

Михаил Ахманов
Консул Тревельян
Серия «Ивар Тревельян», книга 5

текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4989108
Михаил Ахманов. Консул Тревельян: Эксмо; Москва; 2013
ISBN 978-5-699-62066-1

Аннотация

Никогда не знаешь, что тебе пригодится в жизни, а что нет... Ивару Тревельяну, социоксенологу и лучшему полевому агенту Фонда Развития Инопланетных Культур, и в голову не приходило, что ему придется испытать все плюсы и минусы новейшего метода перемещения человеческого сознания в тела иных существ. Результат Тревельян ощутил на собственной шкуре, вернее, на хитиновой броне, жвалах, усах, шпорах и всем прочем, присущем разумным паукам, обитателям Арханга. Операция по спасению коллеги, затерявшегося на этой огромной планете, грозила затянуться, а времени оставалось все меньше. Ведь в случае провала операции на кону будет стоять судьба всей Галактики!

Содержание

Часть 1	4
Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	20
Глава 4	30
Глава 5	38
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Михаил Ахманов

Консул Тревельян

Часть 1

Арханг

Глава 1

Пещерный город Рхх Яхит

Ивар Тревельян, социоксенолог и лучший полевой агент Фонда Развития Инопланетных Культур¹, кавалер Почетной Медали и множества других наград, поднялся на четыре задние лапы, а шпорами двух верхних стал чесать брюхо под грудным панцирем, у самого детородного органа. Жест для архов несомненно оскорбительный, и все в «Обломанных усах» это понимали. И хозяин заведения Кыюк, и гвардейцы, сидевшие у низких каменных столов, и жавшиеся к стенам горожане, и даже безмозглые самки, что разносили снесь и пойло. В норе мгновенно воцарилась тишина. Гвардейцы разом вытянули хоботки из чаш с подсоленной водой, прочая публика прекратила трещать и жужжать, самки опустили на все шесть конечностей, прижались к полу и замерли. Тревельян продолжал чесаться, направив глазные антенны на Чиу Кхата. Тот, раздвинув и с треском сомкнув жвалы, проскрипел:

– Ты труп, Хес Фья! Когда с тебя сдерут панцирь, я съем твоё мясо и высосу мозг!

– Я твоим мясом побрезгую. Ты, лежец, несъедобная падаль, пойдешь на корм червям, – ответил Тревельян и шевельнул усами в сторону помойной ямы, зиявшей в углу заведения.

– Ррху! – Издав вопль ярости, Чиу Кхат встал и двинулся в обход стола к оскорбителю, грозно постукивая жвалами. Его хоботок метался между ними, как гибкая коричневая змейка.

– Не здесь! – в ужасе заверещал хозяин Кыюк. – Не здесь, туа па! Я не хочу собирать с пола осколки ваших панцирей! Не хочу, чтобы стражи подвесили меня за усы!

Дословно «туа па» означало «из первого помета» – титул, которым награждались по праву рождения только благородные. Поединки между ними, особенно со смертельным исходом, были не то что под запретом, однако не поощрялись, а Кыюк отвечал за все, что творилось в его кабаке. Другое дело, верхний карниз – там противники могли свести счеты без всякого ущерба заведению.

– Не здесь так не здесь. Можно и выйти. – Тревельян, лязгнув жвалами, полез на террасу. Чиу Кхат, стуча в знак вызова шпорой о грудной панцирь, заторопился следом. Гвардейцы обеих рот из охраны Великой Матери тоже покинули каменную нору. Они отличались раскраской спинных гребней, синих и желтых, и было их побольше тридцати, так что насчет городских стражей и возможных помех беспокоиться не приходилось.

Синие и желтые, ударные части столичного войска, жили не очень мирно – за оборот Арханга вокруг звезды случалась пара сотен схваток с членовредительством и даже летальным исходом. Желтые принадлежали к благородным севера, синие – юга, семьи тех и других враждовали из-за престижа своих Матерей, контроля над Соляным Путем и угодий, где

¹ Фонд Развития Инопланетных Культур (ФРИК) – земной институт, задачей которого является помощь инопланетным сообществам, не достигшим высокого технологического уровня. Согласно уставу ФРИК, помощь оказывается тайно, без прямого контакта с прогрессируемой культурой.

плодились яйценосные птицы и съедобные черви. В любой архаической культуре этого хватило бы для свар и драк, но архи к тому же были существами неуживчивыми и склочными, предпочитавшими решать конфликты с помощью окованных железом шпор. Их любимая поговорка гласила: «У кого шпоры длиннее, тот и прав». Самые длинные шпоры росли у благородных первого помета, и в целях безопасности именно их сословие выбрали для ментальной инкарнации. Метод был новым и очень многообещающим, но, как выяснилось недавно, аппаратура возврата срабатывала не всегда.

Карниз, нависавший над пещерным городом Рхх Яхит, был широким и длинным. Сюда выходили норы кабаков и щели спаривания, а над ними зияли отверстия тоннелей, ведущих к воинским казармам и арсеналам, к складам драгоценной соли, обиталищам Мужей и покоям самой Великой Матери-Королевы. За истекшие века камень тут отшлифовали миллионы когтистых лап и хитиновых панцирей, и кое-где он блестел, словно черное зеркало. Превосходное место для поединков чести!

Пробудился Командор, ментальный Советник² и предок Тревельяна, и, пользуясь зрением Хеса Фья, обозрел окрестности. Затем, оценив шпоры и жвалы Чиу Кхата, посоветовал:

«Нижние лапы подсеки и как споткнется, в брюхо бей. Брюхо, оно на вид помягче. Упадет, глазные стебли вырви. Так и завалим гада шестиногого!»

«Мы, дед, сейчас такая же шестиногая тварь», – напомнил Тревельян.

«Мы в любом обличье люди, – проворчал его Советник. – И если этот Хес Фья, таракан усатый, дал нам убежище, он тоже человек. Мы за него в ответе. Во всяком случае, на время вахты, пока мы в его черепушке».

В свой черед Тревельян оглядел противника, прикидывая, что Чиу Кхат у желтых из лучших бойцов и выглядит постарше – значит, хитиновая броня у него прочнее, жвалы больше, зато он не слишком быстр и поворотлив. Так что к советам деда стоило прислушаться – военная карьера Олафа Питера Карлоса Тревельяна-Красногорцева, commodора Звездного Флота, началась в десанте, и толк в драках он знал куда лучше Ивара.

Гвардейцы, клацая когтями задних лап по камню, образовали круг – половина синих, половина желтых. Хес Фья, приютивший Тревельяна, был южанином, Чиу Кхат – желтым с севера, а предметом спора являлась соль. Чиу Кхат утверждал, что, пока ее везут от южных соленых озер за вотчиной клана Фья, в ней появляются мелкие камешки и песок, что портит качество товара. Это было правдой – соблюдая выгоду, торговцы Фья подмешивали камешки для веса, но не более двадцатой части. Двадцатой, а не пятой, как заявил Чиу Кхат! Наглая ложь, обвинение в воровстве! Тревельян понимал, что Хес Фья не может оставить без ответа подобную напраслину: семейная честь в гвардии блюлась строго.

Вперед выступил Шат Сута, капитан синих.

– Схватка до первой трещины в панцире? – проскрипел он. – Или бой до смерти?

– До смерти! – Чиу Кхат снова грохнул шпорой о броню. Его зрительные антенны шевельнулись, нацелившись на Тревельяна. Затем он вытянул к противнику верхнюю конечность, расставил три гибких пальца под острием шпоры и рявкнул: – Мать твоя тху!

У народа яхитов это было самым грязным оскорблением – даже намек на скрещивание рас, яхитов и обитавших на других материках тху и шетан, считался верхом неприличия. К тому же Чиу Кхат помянул святое, Мать рода Фья, и теперь поединок не мог завершиться трещиной в панцире. Сообразив это, Шат Сута стукнул когтями нижней лапы о камень.

² Термином «ментальный» или «призрачный Советник» обозначают разумы умерших людей, запечатленные в памятных кристаллах. Кристалл можно имплантировать в организм живого носителя, с которым заключенный в кристалле разум устанавливает мысленную связь. Подобные кристаллы используются в качестве советников и спутников тех, кто выполняет опасные миссии или обречен по роду своих занятий на долгое одиночество.

– Тогда демоны с вами! Начинайте, черви помойные! – Капитан на миг задумался, растопырил усы и прошипел: – Рота проигравшего встанет в дозор, когда спустится тьма. Начинайте! Вперед!

Противники ринулись друг на друга и, сцепившись всеми шестью конечностями, с яростным жужжанием и скрежетом покатались по земле. Для архов – обычное начало схватки, но совсем не входившее в планы Ивара; просто инстинкты Хеса Фья превозмогли советы Командора. Лишь на один миг, но его хватило, чтобы более массивный Чиу Кхат подмял Тревельяна под себя и нацелился жвалами на глазные стебли. Брюхо под грудным панцирем и зрительные антенны были у архов самым уязвимым местом, и в бою защитой им служили кольчуги и каски, хранившиеся вместе с оружием в арсеналах. Но поединок чести – не битва с вражеской ордой, тут защитой являлась лишь природная броня, а оружием – только жвалы, когти и окованные металлом шпоры.

Ивар попытался сбросить врага, но не вышло – тот, вцепившись в конечности пальцами и когтями, упорно прижимал его к каменной поверхности террасы. Жвалы Чиу Кхата щелкали, стригли воздух у зрительных стеблей Тревельяна; свои антенны Чиу Кхат отогнул к основанию головы, стараясь уберечь их от ответных выпадов. В свой черед Хес Фья, упираясь спинным гребнем в землю, старался дотянуться до глаз противника – инстинктивная реакция арха любого сословия, что в уличной драке, что в поединке. Пронзительный скрежет грудных пластин и лязг челюстей сливались с возбужденным верещанием окружавших их гвардейцев: желтые издавали звуки торжества, синие, подбадривая соратника, били когтями о камень.

«Твоя левая нижняя лапа, – раздался бестелесный голос Советника. – Он держит ее не так крепко. Ну-ка врежь ему в помидоры!»

Этот эвфемизм, мало подходивший к детородным органам архов, в остальном казался не лишенным смысла. Извернувшись, Тревельян рывком освободил лапу от хватки врага и нанес удар – не очень сильный, так как размахнуться он не мог, зато в чувствительное место. Чиу Кхат зашипел от боли, привстал на передних конечностях, и Тревельян тотчас ткнул его шпорой верхней лапы, стараясь попасть под панцирь. Не попал – железное острие заскрежетало по хитину, – зато отбросил противника в сторону и выпрямился в полный рост. Чиу Кхат, тоже поднявшись на задних лапах, приготовился к новой атаке.

Гвардейцы, встопорщив спинные гребни, издали боевой клич. За их спинами Ивар видел толпу охочих до зрелищ горожан, сбежавшихся из соседних кабаков, и шестерых блюстителей порядка – их шлемы и пики торчали над головами и гребнями прочих архов. Судя по раскраске панцирей, заменявшей в этом мире одежду, они относились к страже нижних карнизов и не имели желания лезть в дела благородных туа па. Над толпой тянулся к небу склон с темными зевами тоннелей, а выше, за свинцовыми тучами, просвечивало размытым пятном крохотное солнце Арханга, висело низко, рядом с утесом над обителью Матери-Королевы. Вскоре светило скроется за скалистыми вершинами, на городские террасы падут тьма, снег, туман и холод, и жизнь в городе замрет. Хотя архи, в отличие от насекомых, были существами теплокровными, ночью их активность снижалась, и, если не считать караульных, они старались не вылезать из нор.

«Поторопись, – снова прошелестел бесплотный голос Командора. У нас есть другие дела, кроме драк с тараканами. Кончай с ублюдком!»

Чиу Кхат вскинул передние лапы, целясь шпорами в Тревельяна, рывкнул: «Ррху!», и ринулся в атаку. По всем гвардейским понятиям, его противнику нужно было сделать то же самое, но Ивар резво отступил к краю террасы и вытянул нижнюю конечность. Хитин заскрежетал о хитин, Чиу Кхат, не ждавший такого коварства, споткнулся, откинулся вбок, пытаясь удержаться на ногах, и шпора Ивара тут же вонзилась ему в живот под самой грудью. Следующий удар, нанесенный с размаха, пришелся в голову – железное острие с трес-

ком пробило лобный щиток, полетели осколки хитина, брызнула белесая жидкость, и жвалы Чиу Кхата бессильно повисли. Однако то был еще не конец – архи обладали потрясающей живучестью, и к тому же под их спинным гребнем прятался крупный нервный узел, в сущности второй мозг, тоже способный выполнять функции мышления и координации движений. Именно в этом нервном центре нашли прибежище Тревельян и его Советник, похитив тело, разум и все сословные привилегии благородного Хеса Фья. Правда, специалисты по инкарнации пользовались более научными терминами, говоря о временном метемпсихозе, ментальной блокировке и замещении сознания носителя.

Но в нынешней повестке дня вопрос терминологии не стоял, дело касалось других проблем. Тревельян подпрыгнул, оседлал спину Чиу Кхата и резко ударил шпорами средних лап с обеих сторон под гребень. Средние лапы, более длинные и сильные, чем верхние, у этой расы предназначались для войн и грубых работ, вроде переноски тяжестей и копания нор в земле. Гибких пальцев на них не было, только когти, зато шпоры походили на два хорошо заточенных клинка. Под их напором спинной панцирь треснул, плоть раздалась, шпоры проткнули нервный узел, и Чиу Кхат молча рухнул на землю.

Тревельян оставил его, приподнялся на задних лапах и, щелкая жвалами, затянул песнь победы. Слова – точнее, лязг, скрежет и взвизги – пришли сами собой; то было инстинктивное знание Хеса Фья, которым Ивар мог располагать так же уверенно, как его лапами, пальцами и когтями. Гвардейцы слушали песнь в торжественной тишине, но горожане стали расходиться – переваливали за край террасы и быстро ползли вниз по отвесной стене, торопясь добраться засветло до жилых нор и мастерских. Размытый отблеск солнца уже коснулся скалы, небо потемнело, в воздухе закружились первые снежинки. На нижнем ярусе, граничившем с холмистой равниной, пастухи загоняли в стойла многоногих мохнатых шошотов; их недовольный рев долетал до верхнего карниза.

Песня кончилась. Гвардейцы желтой роты полезли к тоннелям казарм – им как проигравшей стороне предстояло нести охрану этой ночью. Синие остались.

– Достойная была схватка, – промолвил капитан Шат Сута и пнул труп когтистой лапой. – Что будешь делать с мясом?

– К червям его! – буркнул Тревельян. С некоторыми обычаями архов он решительно не мог смириться, хотя весь его опыт ксенолога подсказывал, что в этом скудном мире каннибализм неизбежен.

– К червям... столько отличного мяса... – проскрежетал капитан. – Так не годится. Кьюк, поди сюда!

Сквозь поредевшее кольцо гвардейцев протиснулся хозяин заведения. За ним – два тощих работника из шестого помета.

– Ободрать панцирь, разделать мясо и вымочить в пойле. Приготовить к восходу солнца, – велел Шат Сута под одобрительный скрежет синих.

– Будет сделано, туа па, – почтительно отозвался Кьюк и шевельнул усами в сторону помощников. Те, зацепив труп железными крючьями, потащили его в пещеру. В глубине сознания Тревельяна ожил Командор и пробормотал невнятно: «*Sic transit gloria mundi...*»³.

– Наступает тьма. В казармы! – распорядился капитан.

Гвардейцы шустро полезли вверх, дружески похлопывая Тревельяна жвалами, подталкивая в спинной гребень. Возможно, клан Фья и правда мошенничал, слишком разбавляя соль, но сегодня их родич отстоял честь семьи, а заодно и синей роты. Как это скажется на порученной миссии, Ивар пока не мог сообразить, но его акции явно выросли. Не исключалось, что Шат Сута возьмет его в помощники, сделав своим адъютантом.

³ *Sic transit gloria mundi* – так проходит мирская слава (лат.).

Гвардейцы ввалились в широкий зев тоннеля, где уже стояли на страже двое желтых. Полость, что открывалась в дальнем его конце, была примером строительного искусства архов: довольно ровные стены и пол, сводчатый потолок, подпертый квадратными колоннами, и масса ходов, ведущих к спальным норам, арсеналам и источникам воды, к покоям Мужей и самой Великой Матери. Каждый такой тоннель можно было перекрыть железной решеткой, что падала сверху и крепилась цепями к скальному основанию. Кое-где на стенах торчали закопченные штыри с подвешенными к ним каменными плочками – в них горел жир, вытопленный из червей и сдохших от старости шошотов. Скудное освещение, но архи неплохо ориентировались в полумраке.

Тревельян поднялся к проходу, в котором обитала рота синих, пополз, перебирая всеми шестью лапами, в быстро редевшей толпе сотоварищей и свернул в свою камеру. Как обычно, здесь царила полная темнота. С одной стороны от входа кучей громоздились шлемы, доспехи и оружие, с другой – стояла каменная бадья с пойлом – ее регулярно наполняли водой и засыпали соль. По гвардейским меркам, рассол был так себе, примерно средней крепости, но для утренней опохмелки годился.

Вытянув усы, Ивар на ощупь добрался до сплетенного из паутины гамака. Половина синих отсыпалась после дежурства, и три гвардейца, с которыми он делил жилую нору, тоже спали: Хау и Оси Шиха – почти беззвучно, а Тоса Фиута по прозвищу Кривая Шпора, как всегда, донимали ночные демоны; он ворочался, скрипел челюстями и царапал стену. Эти трое считались ветеранами, славными бойцами, и Хес Фья, молодой и еще не свершивший заметных подвигов, был не очень ко двору в их логове. Впрочем, после схватки с Чиу Кхатом ситуация могла перемениться.

Сложив лапы на груди и животе, Тревельян покачивался над полом, чувствуя, как холодеет воздух и как, повинаясь инстинкту, стремительно гаснет сознание Хеса Фья. Этот процесс погружения в сон был уже знаком Ивару – за четырнадцать дней он привык к телу и реакциям арха, хотя с физиологией носителя разобраться не успел. Временами его одолевали странные желания – хотелось выбрать самку попримягднее, из прислужниц Королевы, вскочить на нее и... Впрочем, дальнейшее неважно.

Кроме тайных желаний Хеса Фья, Тревельян ознакомился с его социальным статусом и окружением, с прежней жизнью на юге и службой в городе, обследовал едва ли не все городские норы, гроты и пещеры, лавки, мастерские, кабаки, покои Мужей Королевы и даже щели спаривания, коснулся ментальным щупом мириад архов, обитавших в этом крупном поселении континента Яхит. Все такие действия являлись частью его работы, в каком бы обличье он ни пребывал, привычном человеческом или в виде разумного псевдоэнтомона с планеты Арханг. Он трудился упорно, вкладывая в розыски все свое умение и опыт, но не нашел ровным счетом ничего. Ни следа, ни намека, ни малейшей зацепки!

Раздался скрежет – Тос Фиут снова царапал камень окованной железом шпорой. Темнота не позволяла разглядеть стену над его гамаком, но, вероятно, ее покрывали ямы и борозды. Еще немного, подумалось Ивару, и он продолбит ход в соседнюю камеру.

«Похоже, успехи у нас скромные, – беззвучно молвил Командор. – Проще говоря, никаких».

«Никаких, – согласился Тревельян. – Вот что, дед, свяжусь-ка я с Брайтом, пусть забирает нас. Мы возвращаемся».

«Насовсем?»

«Нет, на время, пока наш подопечный спит. Я хочу отдохнуть и подумать».

«Думать можно и здесь», – ворчливо заметил Советник.

«Слишком много рук и ног, и слишком мало пальцев. Еще когти, жвалы, шпоры и соленая водица вместо коньяка... Все это мне мешает».

«Коньяк, это я понимаю, – отозвался Командор с заметным сожалением – его ментальной сущности не все удовольствия были доступны. – Коньяк с Гондваны, в хрустальной рюмке на серебряном подносике... И чтобы подносик тот не клешни держали, а пальчики девы неземной красоты... хорошо бы из терукси⁴, у них такие попадаются прелестницы... – Он смолк на мгновение, вздохнул и пробурчал: – Ну что, возносимся?»

«Как душа в рай», – сказал Тревельян.

В воздухе, в тысяче трехстах метрах над пещерным городом Рхх Яхит висела небольшая установка, ментальный ретранслятор. Его прозрачные стержни, два из которых были направлены вниз, к планете, а два – к звездным небесам, озарились на долю секунды розовым сиянием и тут же погасли. Импульс, вместивший две человеческие души, был принят и послан дальше – туда, где кружилась над Архангом станция Сансара, исследовательский центр Отдела инкарнации ФРИК.

⁴ Описание терукси, лоона эо, дроми, кнй'лина и других рас Галактики см. в Приложении 1.

Глава 2

Станция Сансара

Очнулся Ивар в непроглядной темноте, казавшейся живой – во всяком случае, кто-то или что-то нежно массировало его кожу, и волны этих прикосновений раз за разом пробегали от темени до пяток и кончиков пальцев. Воздух, поступавший через маску, что закрывала нос и рот, казался свежим, насыщенным кислородом, и своего веса Ивар почти не ощущал, пребывая в чем-то вязком, непрозрачном, сковывающем движения. Как утверждали инкарнологи, возврат в собственное тело, как и переселение в чужое, вызывал стресс даже у самых опытных испытателей, и Тревельян не был исключением: он заворочался, забился, пытаясь поднять руки, содрать маску и выбраться из тесного гроба, в который его заключили. Но шевелиться по-настоящему он не мог, не удавалось согнуть конечности, повернуть голову, даже растопырить пальцы. Мгновенный ужас охватил его, но тут сознания достиг беззвучный шепот Командора:

«Не дергайся, голубь сизый. Лежи и будь паинькой».

Это было как глас Божий во мраке преисподней, и Тревельян сразу успокоился. Теперь он знал, что облачен в особый скафандр и плавает вместе с кучей датчиков, проводов и трубок, подводящих воздух и питание, в черной как смола компенсирующей жидкости. Наполненный ею саркофаг был звеном сложной системы жизнеобеспечения, сохранявшей тело, пока в нем отсутствует душа.

Тихо прошелестев, сдвинулась крышка, в глаза брызнул свет, и Тревельян зажмурился. Когда он поднял веки, над ним уже склонялась носатая густобровая физиономия Юрия Брайта. Инкарнолог обхватил его плечи, помог сесть, осторожно снял с лица маску. Глубоко втянув воздух, Ивар потер лицо ладонями и оглядел приемную камеру. Его встречали двое – кроме Брайта, тут был еще Якуб Риша, глава секции ксенологов. В отсутствие Тревельяна он считался руководителем работ, но дел у него было немного – все исследования пришлось остановить.

Заработали насосы, уровень темной жидкости начал понижаться. Ивар терпеливо ждал, пока Брайт закончит возиться с трубками, датчиками и шлангами, потом оперся о край саркофага и спрыгнул на пол.

– С прибытием, Ивар, – промолвил Риша, широко улыбаясь.

– С прибытием, шеф, – эхом отозвался инкарнолог, подставив Тревельяну легкое пластиковое кресло. – Сядьте, отдышитесь. Как самочувствие?

Ивар вскинул руки, пошевелил ступнями.

– Точно в дом родной вернулся. Все по мерке скроено и отлично сшито.

– Душу не обманешь, – со вздохом произнес Брайт и принялся дезактивировать швы скафандра. – Душа знает, что ей приуготовлено: две ноги, две руки, и на каждой – пять пальцев. Хотя лоона эо могли бы возразить⁵.

– Так мы их не привлекаем к этим экспериментам, – сказал Тревельян, освобождаясь от скафандра. – Ни к этим, ни к каким-либо иным.

Он повернул голову и бросил взгляд на второй саркофаг, расположенный ближе к округлой стене приемного отсека. Установка работала – мигали огоньки, чуть слышно постукивали насосы, прогоняя воздух и питательный раствор, вмонтированный в крышку таймер отсчитывал время. Пятьдесят восемь земных суток, двадцать два часа, четыре минуты, сорок шесть секунд... уже сорок семь... сорок восемь, сорок девять...

⁵ Лоона эо при внешнем подобии земным гуманоидам четырехпалы.

В саркофаге покоился Винсент Кораблев – то есть, конечно, не сам Винс, а его тело. Превосходно тренированное, мускулистое, покрытое легким загаром, не тело, а мечта! Но, к сожалению, без души. Если говорить точнее, без комплекса сложнейших нейронных связей, отвечающих за сознание индивида, его память, опыт, эмоции и профессиональные навыки. Все это затерялось где-то на Арханге, а планета была огромной, больше Земли, больше материнских миров кни'лина, дроми, хапторов и прочих рас, известных человечеству. Четыре обитаемых материка, два покрытых льдами, тысячи островов и гигантский океан... Вот и ищи где хочешь!

Риша перехватил взгляд Тревельяна, и его улыбка померкла.

– Ничего?

– Пока ничего.

Ивар поднялся, развел руки, хмыкнул, будто удивляясь, что их только две, а не четыре, и шагнул к переборке, за которой была душевая кабина. Приемный отсек с округлыми белыми стенами и высоким потолком сиял чистотой и наполнился теплом и светом. Так непохоже на мрачные норы и пещеры архов, на щели-мастерские, где долбили камень и ковали металл, на лабиринт переходов и камер, служивших обителью первопометным, на стойла шошотов, на ямы для разведения червей, на заведение Кьюка, где архи-мясники трудились сейчас над трупом его недавнего противника... Впрочем, подумал он, на Раване⁶ было ничем не лучше, даже еще неприятнее. Архи – не люди, и если желают пожирать себе подобных, какой с них спрос?.. А вот кочевники шас-га с Раваны были вполне гуманоидами, но занимались тем же самым. Людоеды, настоящие людоеды!

Насупившись, Тревельян лягнул зубами – звук был похож на скрежет жвал. Затем снова оглядел отсек и буркнул:

– Перемена, конечно, разительная, но к хорошему привыкаешь быстро...

«Верная мысль, – отозвался Командор. – Так что у нас дальше в программе, малыш? Ополоснуться и по коньяку? Потом штабных крыс пропесочим?»

Якуб Риша словно подслушал Советника – вызвал робота, велел притащить комбинезон, а после осведомился:

– Собрать народ, Ивар? Посовещаемся?

– Непременно, Куба, но не сейчас. Я хочу отдохнуть и подумать. – Он включил воду, теплые струйки забарабанили по плечам и спине, и Тревельян фыркнул от наслаждения. – Вы идите, коллеги, идите, я тут сам справлюсь. Встретимся в павильоне... скажем, через три часа.

Вскоре он сидел в своем жилом отсеке, просматривая поступившие сообщения. Большой частью они были подписаны Юи Сато, консулом ФРИК, и не отличались разнообразием – консул беспокоился, как идет спасательная операция. Этот вопрос они могли бы обсудить при личной встрече – Ивар без труда переместился бы к станции «Киннисон», что висела между Землей и Луной, – но в данный момент сказать ему было нечего. К тому же он не любил демонстрировать дар, которым его удостоили на Раване; об этом и так ходили всякие слухи, иногда самые странные и нелепые. Несомненно, дар был получен не для того, чтобы звонить о нем на всех углах и прыгать резвой блошкой по Галактике. И потому все депеши консула Сато, посланные эмиссару Тревельяну, были внимательно прочитаны. Затем эмиссар вызвал связиста Ивана Семенова и велел передать на станцию «Киннисон», что поиски полевого агента Кораблева ведутся непрерывно, но пока без заметных успехов.

Покончив с этим, Тревельян открыл сейф и вытащил блестящий металлический контейнер размером в два кулака. Он нуждался в отдыхе, в недолгом забытии, освежающем разум и чувства, и для этого был особый способ – непростой, довольно опасный, но очень

⁶ Эти события описаны в романе «Меч над пропастью».

эффективный. Временами Ивару мнилось, что возможность устраивать такие фокусы – приложение к дару, полученному на Раване; не исключалось, что были и другие побочные следствия, о которых он еще не подозревал.

Он поднес к контейнеру ладонь и сосредоточился.

«Опять за свое! – недовольно проворчал его призрачный Советник. – Смотри, парень, доиграешься!»

«Я в полной безопасности, дед, – мысленно отозвался Тревельян. – Клянусь душами всех дроми, отправленных тобой в Валгаллу».

«В безопасности, ха! Салага наивная! Я, знаешь ли, повидал кучи всяких штукотин, придуманных на погибель людям, и вот что я тебе скажу, малыш: эта из всех самая мерзкая! Лончаки куда хитрее жаб, рогачей и плешаков⁷, они такое придумают, что моча враз поси- неет! Остерегись! Остерегись, говорю! Втянешься, тут тебе и конец!»

– Ты мешаешь мне сосредоточиться, – буркнул Ивар вслух. – И не надо оскорблять наших звездных соседей. Умолкни, старый ксенофоб!

Но дед совсем разошелся.

«Ксенофоб! Надо же, ксенофоб! Мы чем с тобой занимаемся, парень?.. Ксенологией инопланетных культур! А какая же ксенология без ксенофобии? Мы, конечно, всех их любим, даже дроми, жаб зеленых... Так любим, что целоваться готовы, но только через намордник! Вот ксенофобия в разумных дозах и есть этот самый...»

Советник бубнил что-то еще, однако Ивар уже не прислушивался. Он послал менталь- ный импульс, и футляр раскрылся, словно цветок под лучами солнца. Но солнце сияло в нем самом – небольшой предмет, искрившийся и сверкавший мягкими гипнотическими перели- вами красок. Эта вещица в ореоле радужных сполохов казалась такой прекрасной, такой чарующей и чудесной, что глаз не отвести! От лицезрения этой красоты к горлу подступало удушье, и чудилось, что сердце, сделав последний удар, замрет и остановится навеки. Соб- ственно, так и случилось со всеми гуманоидами, людьми, терукси, кни'лина, хапторами – со всеми, кто имел несчастье взглянуть на гипноглиф⁸.

Не спуская глаз со сверкающего чуда, Тревельян сделал мысленное усилие, и сжимав- шие горло тиски исчезли. Сердце билось медленно, но ровно, ласковое сияние окутывало его, он купался в волнах блаженного покоя – ни тревог, ни забот, ни памяти о прошлом, ни планов на будущее. Существовал только миг бесконечной протяженности, миг, когда время заснуло или, во всяком случае, сделало передышку на своем пути от начала Вселенной к ее далекому, но неизбежному концу. Пребывая в этом безвременье, Ивар Тревельян не ощу- щал холода или тепла, не чувствовал палубу под ногами, а как бы парил в сияющей пустоте, свободной от сил тяготения, от любых полей и частиц, кроме всепроникающего света. Свет являлся главной субстанцией, доступной его чувствам, но было здесь что-то еще, едва ощу- тимое и как будто не мертвое, а живое – возможно, даже разумное. Это загадочное нечто появлялось не сразу, и Тревельян пока не решался вступить с ним в контакт.

Шепот... невнятный шепот тысяч, миллионов голосов... Что за существо пыталось достучаться до его разума, поговорить с ним, или этих созданий было столько, сколько анге- лов на острие иглы?.. Появление таких неясных звуков – скорее, ментальных импульсов – оставалось для Тревельяна рубежом, перешагнуть который он считал преждевременным.

⁷ Лончаки – лоона эо на жаргоне астронавтов. Жабы – дроми, рогачи – хапторы, плешаки – кни'лина; эти презрительные прозвища долгое время бытовали в Звездном Флоте, особенно в период войн с означенными расами.

⁸ Гипноглиф – сильнейшее психотропное средство; воздействует на мозг через глаза, подчиняя волю и погружая зрителя в транс, выйти из которого самостоятельно невозможно. Эти устройства производятся лоона эо с неизвестной целью и имеют вид светильников, чаш, экранов и предметов неопределенной формы, иногда сияющих и искрящихся. Действуют на гуманоидов всех известных рас. Летальный исход неизбежен – чаще всего в результате асфиксии, разрыва сердечной аорты или кровоизлияния в мозг.

Сделав еще одно мысленное усилие, он вышел из транса и запечатал контейнер. Сияние погасло, но теперь он чувствовал себя, словно после долгого, приятного и освежающего сна. Никаких следов усталости, мысли были ясными, тело – бодрым, и память о мрачных подземельях архов больше его не тревожила. Через несколько часов он снова окажется там, снова будет искать и, если придет нужда, померится шпорами с любым противником. Снова и снова, пока не будет найден полевой агент Винс Кораблев...

«Это верно, это по-нашему, – одобрил его Командор. – Десант своих не бросает!»

Не слушая его, Тревельян задумчиво смотрел на металлический футляр. Гипноглиф достался ему на орбитальной станции, кружившей около Сайката, примитивного мира, который уже несколько лет изучала совместная экспедиция кни'лина и землян. На Сайкатской станции двое пали жертвами сверкающей игрушки, самой опасной из числа Запретных Товаров⁹, а сколько упокоилось до этого, о том ведали лишь Владыки Пустоты. Иутин, генетик-кни'лина, клялся, что уничтожил его, но это было ложью; Ивар отнял гипноглиф и вывез его тайком, в нарушение законов Федерации. С другой стороны, оправдание у него имелось – кто знает, в чьи руки мог попасть этот смертоносный артефакт и сколько народа прикончить. Впрочем, он понимал, что гипноглиф предназначен вовсе не для этого.

А для чего?.. Дарить бодрость, заменять сон или длительный отдых, если умеешь с ним обращаться?..

Покачивая головой, Тревельян спрятал капсулу в сейф и пробормотал:

– Возможно, я забиваю гвозди микроскопом...

«Чем ты недоволен? – мрачно отозвался Командор. – Вылез из этой мышеловки, сплунь и радуйся. В другой раз отдых может затянуться. Так что помни про бесплатный сыр».

– Дед, эту штуку не за тем придумали, чтобы травить людей и прочих любопытных гуманоидов, – возразил Тревельян. – Мне кажется, гипноглиф – такое устройство, что позволяет проникнуть...

Он смолк.

«Куда?..»

– Не знаю, пока не знаю. Придет время, выясним.

«Не свихнись, пока выясняешь. Кстати, про коньяк не забудь. Где коньяк, спрашиваю? У тебя что, уже отшибло память? В данный момент мы – люди, и нам необходим коньяк!»

Вздыхнув, Тревельян повернулся к раздаточному автомату, набрал код и подождал, пока в раскрывшемся окне не возникла рюмка. Сами по себе тактильные и вкусовые ощущения деду не передавались, но ментальный результат – легкое, туманившее разум опьянение – он воспринимал.

Предок и ментальный Советник Тревельяна командовал некогда тяжелым крейсером «Паллада» и эскадрой Седьмой флотилии, сражался с кни'лина, хапторами и дроми¹⁰, совершил немало подвигов, был отмечен боевыми наградами и пал смертью храбрых в возрасте девяноста двух лет на мостике своего корабля. Он погиб в той знаменитой битве у звезды Бетельгейзе, когда три земных крейсера разгромили армаду дроми, доказав всем врагам Федерации, что в Галактике появилась могучая, воинственная и хорошо вооруженная раса. Но до славной своей гибели старик летал и дрался более семи десятилетий, горел в потоках плазмы, замерзал на ледяных астероидах, командовал десантами, был ранен восемь раз и женат четырежды – словом, накопил огромный опыт, и потому его разум, в знак почета и благодарности, сохранили в памятном кристалле. Впрочем, отдых в Колумбарии Славы не

⁹ Запретные Товары – артефакты лоона эо, ввоз которых на планеты Земной Федерации, а также в сектора других цивилизаций гуманоидов запрещен или ограничен.

¹⁰ Войны Земной Федерации с дроми тянулись почти полтора столетия – 2306–2452 гг.

мог прельстить такую личность, и уже много лет Олаф Питер Карлос Тревельян-Красногорцев состоял в ментальных Советниках у своего далекого потомка, сопровождая его во всех опасных авантюрах. У полевых агентов и эмиссаров ФРИК, полагавших, что одна голова хорошо, а две – лучше, это являлось обычной практикой.

Снова вздохнув, Тревельян выпил коньяк. Это был не самый подходящий напиток после гипнотического транса, но разве он мог отказать своему компаньону?.. Учитывая его нынешнее состояние, удовольствий у деда было не так уж много.

«Хорошо, – пробормотал призрачный Советник, – хорошо... Повторим, малыш?»
– Хватит.

Словно извиняясь, Ивар коснулся виска с имплантом, крохотной капсулой с кристалликом. При нужде капсулу можно было извлечь, поместив ее затем в какой-нибудь самоуправляющийся агрегат, обладающий подобием разума и механическими эффекторами. Очень полезный фокус, если учесть, что полевая ксенология являлась занятием непростым и временами весьма опасным. В последний раз Тревельян и его Советник прибегли к нему на Хтоне, планете биоморфов, сводивших давние счеты в разрушительных междоусобицах. Там им пришлось расстаться – Ивар улетел на Равану, а Командор, возглавив войнство роботов, занялся наведением порядка и так в этом преуспел, что силы Флота заняли Хтон без единого выстрела¹¹. Затем деда вернули Ивару, доставили с почетом на боевом фрегате «Ниагара».

«Коньяк лучше, чем твоя блестящая штуковина, – настаивал Советник. – Глотнешь, и ты уже в крейсерском режиме, реактор на холостом ходу, орудийные башни опечатаны, а мысль течет привольно, блуждая среди звезд. Так говорил командер Раков, один из первых моих начальников, большой любитель принять на грудь. Так вот, по его утверждению...»

– Умолкни, дед, – прервал Командора Тревельян, – умолкни и не беспокой меня. Я должен подумать.

Он поднял взгляд к экрану с объемной схемой станции. Четыре яруса, ангар с орбитальными катерами, порт для стыковки с лайнерами и огромная антенна межзвездной связи... Тут и там на схеме мерцали огоньки; одни пребывали в покое, другие двигались по коридорам и палубам, ползли от диспетчерской к лабораторным отсекам, перемещались то к жилому сектору, то к кают-компаниям, столовой, трюмам нижнего яруса или пункту визуальных наблюдений. Тридцать семь огоньков, тридцать семь человек в экипаже, не считая пропавшего Винса... Инкарнологи, полевые агенты, техники, врачи... Станция Сансара была немаленькой – конечно, не такой огромной, как искусственный планетоид, круживший над Сайкатом, но, с другой стороны, люди не нуждались в таких просторных помещениях, как кнй'лина.

Тревельян руководил этим исследовательским комплексом уже четыре месяца, после возвращения с Раваны и короткого отпуска, проведенного на Земле. Собственно, он являлся первым эмиссаром Фонда, которому доверили столь необычный проект, связанный с перемещением сознания в тела инопланетных существ, к тому же еще и негуманоидов. Риск и мера ответственности были высоки, но Тревельян понимал, что стоит у начала нового перспективного метода, способного изменить всю тактику изучения чужих миров. В случае планет, чье население в какой-то степени походило на людей, эти вопросы были давно отработаны: полевой агент трудился в привычной среде обитания, мог принять облик автохтона с помощью несложных средств, изучить язык и систему жестов, питаться местными продуктами и воздействовать на чуждую цивилизацию с помощью традиционных для ФРИК эстапов¹². Земная и патрулируемая культуры могли иметь разные понятия о красоте, спра-

¹¹ Эти события описаны в романе «Недостающее звено».

¹² Эстап (ЭСТП) – элемент социального и технологического прогресса, внедряемый эмиссарами Фонда в примитивное общество. Например, таким элементом может быть идея о шарообразности мира или одомашнивании животных, способ выплавки стали или селекция сельскохозяйственных культур, проект паровой машины или ткацкого станка.

ведливости, нравственном императиве и жизненных целях, но, в конце концов, у их представителей было две руки и две ноги, а также пальцы, голова и шея, что очень облегчало взаимопонимание. Изучать же и прогрессировать существ, наподобие архов, до сей поры казалось невозможным – хотя бы потому, что посланец Фонда не мог принять их облик и работать скрытно, как требовали методики культурной индукции и межзвездные соглашения на этот счет. Теперь ситуация изменилась – агент получал возможность внедриться в тело негуманоида-автохтона, на время подменив его разум своим, и действовать с полной свободой, не думая о непривычности среды и особенностях чужой физиологии. Разумеется, существовали нюансы морального порядка – как-никак это внедрение было насильственным, и Судьи Справедливости¹³ могли оспорить право Фонда на подобный акт, похоронив инкарнологию навеки. Но до Судей дело еще не дошло – прежде полагалось убедиться, что метод надежен и безопасен для людей.

Тревельян задумчиво потер висок. Что-то не складывалось в этой истории с Винсом Кораблевым... В течение первых двух месяцев агенты-испытатели не раз уходили в разные поселения планеты, побывав на Яхите, Тху и Шете, трех обитаемых континентах, и даже на Хархе и Фийе, лежавших у южного и северного полюсов. Срок первых экспедиций равнялся двум-трем суткам, затем его увеличили до десяти-пятнадцати дней. Все шло по плану, аппаратура инкарнологов работала отлично, проблем ровно никаких, и Тревельян уже собирался начать масштабные эксперименты: длительное внедрение полевых ксенологов с детальным исследованием физиологии архов и выбором подходящих им эстапов. Затем Винс не вернулся на станцию, и вся работа была парализована. Конечно, Ходковский и Хабблтон рвались его искать, но Тревельян запретил, решив, что займется этим сам и в одиночестве. Оба оставшихся у него агента были опытными людьми, но все же особых ментальных талантов у них не имелось; как и Винс Кораблев, они могли застрять на планете, лишь усугубив ситуацию.

Итак, пользуясь правом старшего, Ивар посетил Рхх Яхит и провел в нем поиск. И что же?.. Ничего, признал он с горечью. Архи нередко дрались друг с другом, поединки и набеги на соседей были у них обычным занятием, но внезапная кончина Винсу не грозила – в разум испытателей встраивался контур безопасности, который срабатывал в миг гибели носителя. Этого не случилось; значит, Винс – точнее, его сознание, его индивидуальность, – все еще пребывал на Арханге. Возможно, не в Рхх Яхите? Возможно, его захватили в плен в какой-то потасовке и увели в другое поселение?.. Это означало, что зону поисков нужно расширить. Ментальный дар Тревельяна не был безграничным – он мог просканировать сотню-другую архов в ближайшем окружении, но на материке Яхит их обитало больше миллиарда. Придется странствовать из города в город, из одной пещерной крепости в другую, подумал он. И сколько это займет времени?..

«Лет пятьдесят, – сообщил Командор. – У нашего Хеса Фья усы отсохнут. Тараканы столько не живут».

Это было верно, но для поисков в сотнях городов Ивар не нуждался в услугах Хеса Фья, он мог каждый раз подселаться к другому носителю. Правда, и в таком случае операция будет непозволительно долгой... не пятьдесят лет, а, скажем, пять... Арханг – огромная планета, а материк Яхит вдвое больше земной Евразии.

Оставив эту идею, он вызвал по внутренней связи Якуба Ришу, своего заместителя.

– Куба, будь добр, собери руководителей секций через десять минут в беседке. Я хочу видеть всех наших медиков и инкарнологов. И, конечно, полевых агентов.

¹³ Судьи Справедливости – особая структура, призванная разрешать конфликты между галактическими расами мирным путем. Статус Судей чрезвычайно высок; их вердикты обязательны к исполнению, они могут накладывать вето на любое решение властей Земной Федерации и правящих органов других цивилизаций и культур.

- Технический персонал, Ивар? – спросил Якуб. – Их тоже звать?
- Нет, не нужно. Только руководителей и специалистов. Агнес скажи, что я буду рад ее лицедреть. Саму Агнес и кого-нибудь из ее девушек.
- А точнее?
- Пару секунд Ивар размышлял, потом произнес:
- Лолиту. Пусть будет Лолита. У нее очень выразительные глаза.
- Не только глаза, – с усмешкой заметил Якуб и отключился.

* * *

Павильоном или просто беседкой на станции именовался круглый зал с куполообразным потолком, расположенный на верхней палубе, между кают-компанией и оранжереей. Его стены увивала зелень, свод имитировал земное небо, и, в зависимости от местного времени, здесь царил солнечный день или мягкий полумрак лунной ночи. Легкие кресла и столики, расставленные на мозаичном полу, и раздаточный автомат в неглубокой нише были единственным убранством зала. Тревельяну беседка очень нравилась – она походила на жилища кнй'лина, почти лишенные мебели, но полные воздуха и света.

Когда он появился в зале, Агнес Велестри, глава секции жизнеобеспечения, и черноокая Лолита, диетолог, уже суетились в нише, разливая кофе и чай. Риша и два полевых агента, Габор Ходковский и Эд Хабблтон, помогали девушкам, таскали чашки к столам. В креслах расположились пятеро: инкарнологи Юрий Брайт и Ольга Сигрид Хаменлинна, старший пилот Мансур Мадурай, врач Ханс Аппель и нейрофизиолог Фархад аль Хамадани. За исключением Фархада, все были в комбинезонах, обычной рабочей одежде на станции. Нейрофизиолог, почтенный старец, носил белоснежный бурнус, и его смуглое, иссеченное морщинами лицо оттеняли падавшие на плечи седые волосы. Он был втрое старше Ивара, но, несмотря на возраст, сноровки не потерял и мог потягаться в скорости и точности с любым киберхирургом.

– Всем привет, – произнес Тревельян и опустился в кресло. – Так как мой вояж в Рхх Яхит пока безуспешен, считаю нужным обсудить дальнейшие действия. Что мы предпримем? Должны ли мы расширить зону поисков и в какой степени? Или сосредоточиться на визуальных наблюдениях? Еще раз проверить исправность аппаратуры? Возможно, использовать дублирующий ее комплект? Наконец, запросить помощи?

– Разве что у даскинов... – пробормотал Мадурай.

– Придется обойтись без них, – строго заметил Ивар. – Я имел в виду Консулат. На моем столе семь запросов от Юи Сато. – Помолчав, он добавил: – Прошу высказываться.

Брайт и Хаменлинна переглянулись. Потом старший инкарнолог сказал:

– За аппаратуру мы ручаемся. Нет необходимости тратить время на дополнительные проверки. Если бы мы уловили сигнал от Винса... самый слабый ментальный сигнал... мы извлекли бы его личность без всяких проблем. Однако... – Брайт развел руками.

Тревельян поглядел на него, затем уставился на Ольгу Хаменлинну.

– Полагаете, причина связана с какими-то особенностями человеческого организма? С чем-то таким, что присуще именно Винсенту Кораблеву?

– Вопрос вне нашей компетенции, – ответила Ольга Сигрид, чуть порозовев. – Но напомню, шеф, что до этого случая Винсент трижды уходил на Арханг и возвращался в полном здравии.

– Нет у него никаких особенностей, – проворчал Фархад аль Хамадани. – Порог нервных реакций в норме, превосходная вазомоторика и очень неплохая восприимчивость к ментальному сигналу... Во всех смыслах здоровый юноша.

– Благодарю, старший. – Тревельян склонил голову. – Если аппаратура исправна, обсудим другой вариант. Архи большие драчуны. Возможно, Кораблева захватили в плен и утащили в другой город?

В зале повисла тишина. Слышались только стук чашек о блюдца и бульканье воды в раздаточном автомате. Наконец Якуб Риша сказал:

– Нельзя исключить такое развитие событий. Но, Ивар, в силах ли ты провести поиск в каждом городе, на дистанции тысяча, две или три километров от Рхх Яхита? Это займет очень много времени. Хотя...

– Хотя, – подхватил Брайт, – мы можем совместить наземный поиск с обычным вызовом через ментальный ретранслятор. У нас четыре таких устройства и четыре резервных. Если установить их на катерах и перемещать от города к городу, мы охватим значительный ареал, причем довольно быстро.

– Три, – уточнил пилот Мадурай. – У нас только три катера.

– Пусть три! Одни поселения будем сканировать с воздуха, в других проведем наземный поиск. Кроме шефа, у нас еще два испытателя.

– Мы готовы! – Габор Ходковский приподнялся с места. – Мы уже два месяца сидим без дела!

– Ну, не совсем так, – заметил Хабблтон. – Ты, например, ухаживаешь за Ольгой, а я – за Лолитой. Правда, к служебным обязанностям это не относится.

Ольга Сигрид залилась румянцем, черноокая Лолита стрельнула глазками в сторону Ивара, явно намекая, кто ей симпатичен. Вдохнув, Тревельян позвенел ложечкой о чашку и произнес:

– Считаю знаки внимания нашим девушкам очень важным делом. Самым важным после поисков Винса... А потому давайте прикинем, за какое время можно изучить территорию в радиусе двух и четырех тысяч километров от Рхх Яхита. Разумеется, с использованием всех наших сил и средств.

– Шестьдесят суток в первом случае и около года во втором, – сообщил через некоторое время Якуб Риша. Брайт и Мадурай, взглянув на свои коммуникаторы, дружно кивнули.

– Срок не такой уж большой для глобального поиска, – произнес Ходковский.

Ханс Аппель, медик экспедиции, откашлялся.

– Небольшой, но нельзя забывать, что тело Кораблева уже два месяца в саркофаге. Если речь пойдет о годе, нужно подвергнуть его гибернации.

Фархад аль Хамадани внезапно поднялся, прошествовал к нише, принял из рук Лолиты крохотную чашечку с особо заваренным крепчайшим кофе, отхлебнул и зажмурился от наслаждения. Потом открыл глаза и молвил:

– Молодежь, молодежь... Все бы вам летать туда-сюда, бомбить и мусорить по площадям... Все бы суетиться, а не поразмышлять с усердием, где сокрыта истина... Но сказано в одной из древних книг Земли: у вас – ваша вера, у меня – моя вера!¹⁴

С этими словами почтенный старец снова пригубил кофе и вернул чашечку Лолите.

Густые брови Брайта сошлись на переносице.

– И какая же ваша вера? – спросил он, не скрывая иронии.

– Как я понимаю, вы против глобального поиска... Так поделитесь мудростью с нами! Какое у вас предложение?

– Предложений нет, а есть напоминание, мой юный друг, переселяющий разум. Не следует думать, что мы, люди, – Фархад обвел собравшихся широким жестом, – узнали все о физиологии и нервной деятельности архов, погостив недолго в их телах. Это не так. Мы многое еще не представляем. Например, их генетику и подробности размножения.

¹⁴ Изречение из Корана.

А ведь он прав, подумал Ивар, уткнувшись взглядом в пол. Прав! Внешняя сторона процесса была вроде бы изучена: в каждом городском поселении и в цитаделях каждого рода имелась самка-Мать, которую оплодотворяли избранные самцы. Этот акт был публичным, и его считали большим, даже грандиозным праздником. В последующие два-три года Мать приносила несколько пометов, и первый из них, не очень многочисленный, являлся местной элитой – самые крупные и жизнеспособные самки и воины-самцы. Второй и третий пометы формировали не столь благородные слои социума: классы торговцев, солдат, умелых мастеров, начальников над рабочей силой и вполне разумных, но не способных к размножению самок. Пометы с четвертого по шестой можно было считать местным простонародьем: работники, добывавшие пищу и соль, ходившие за скотом и птицами, носильщики, строители, ремесленники, слуги. Остальные пометы – а их случалось до десяти-двенадцати – давали существ неполноценных, большей частью слабых и почти безмозглых; эти сразу шли на мясо. Иерархическая вертикаль была жестокой, хотя в биологии жестокости нет места, ее заменяет целесообразность.

– Ваше мнение, шеф? – Брайт коснулся руки Тревельяна, и он вскинул голову. Все смотрели на него. Смотрели кто с тревогой, кто с надеждой, будто ожидая, что сейчас он скажет пару фраз, и слова его будут решением. Но произнес он совсем другое:

– Мы в тупике, коллеги. Я согласен с почтенным Фархадом: у нас слишком мало данных. Поэтому я вернусь в Рхх Яхит и буду продолжать полевые исследования. Все! Советование закончено.

Он откинулся в кресле и закрыл глаза.

«Закончить-то вы закончили, да ни к чему не пришли, – беззвучно молвил Командор. – А я вот имею продуктивную гипотезу! Ты и сам мог бы догадаться. Но вы, работники Фонда, гордый народ... Профессионалы, несущие светоч разума иным мирам! И на этом пути – ни сомнений, ни поражений! Ха!»

Тревельян поморщился.

«Хватит издеваться, дед. Давай, выкладывай».

«И выложу! Я думаю, у твоего Винса просто поехала крыша. Трижды побыл архом, и повезло ему вернуться, а на четвертый раз мозги перекосило! Может, водицы соленой перепил, или отшила шестиногая красотка, или еще какой стресс... Случается! И сидит твой полевой агент в какой-нибудь щелке тараканьего сознания, сидит там и почти не дышит... Ни дозваться, ни доискаться...»

«Нелепость! Это невозможно! – отрезал Тревельян. – Невозможно потому, что...»

Раздался шорох, и он поднял веки.

Его коллеги разошлись, павильон опустел, и только рядом сидела, подперев кулачком щеку, черноокая Лолита, диетолог станции. Сидела и смотрела на него с тоской и нежностью – так, как смотрят женщины, провожая близких в дальний путь. В дорогу, которая, возможно, никуда не приведет и никогда не кончится.

Очень выразительные глаза, подумал Тревельян и улыбнулся девушке.

– Вы ничего не ели, Ивар, – промолвила Лолита. – Хотите, я что-нибудь принесу?

– Нет, милая. Я скоро уйду, а в саркофаг лучше лечь с пустым желудком. В городе архов я... то есть мой носитель... в общем, скоро мы позавтракаем.

– Там хорошо готовят?

Ивар подумал о червях, о птичьих яйцах и останках Чиу Кхата, которые – не отвертись! – придется съесть, подумал об этом и содрогнулся. Но ответил бодро, глядя в черные очи девушки:

– У архов потрясающая кухня. Правда, некоторые блюда островаты, но в целом... хмм... в целом похожи на китайскую еду. Или на итальянскую.

– Где вы живете? Эд Хабблтон показывал мне записи... – Лолита передернула плечиками, – показывал город, эти жуткие темные норы и пещеры... Но архам они, наверное, кажутся уютными, да?

– Именно так, – подтвердил Тревельян. – У меня очень уютная норка и три отличных соседа.

– Ваши друзья?

– Друзья? Ну, в какой-то степени... скорее, соратники... Я при них вроде д'Артаньяна, попавшего к трем мушкетерам.

Милое личико девушки озарилось улыбкой.

– А гвардейцы кардинала там тоже есть?

– Разумеется, – молвил Тревельян, подумав о роте желтых. – Очень похоже на Францию в период позднего Средневековья. Схватки, набеги, поединки... словом, приключения.

– И королева? Королева тоже есть?

– Королева у них самая главная. Правда, на балах не танцует, не носит алмазных подвесок, а большей частью спит. – Поднявшись, Ивар коснулся тонкого запястья девушки. – Ну, мне пора. Когда вернусь... вернусь с Винсом... ты приготовишь настоящий пир. Салат с креветками, осетрина, торты и гусь в яблоках... Найдется в наших запасах гусь?

– Сколько угодно, – сказала Лолита, потупив взор. – И гусь, и все остальное... что пожелаете, Ивар.

Кивнув, Тревельян покинул беседку. Через сорок минут, облаченный в скафандр, он уже лежал в саркофаге и слушал, как чавкают насосы, нагнетая темную жидкость. Брайт ободряюще хлопнул его по плечу, сдвинулась крышка, отрезая свет, потом раздался мелодичный перезвон стартового сигнала. Снова на Арханг, снова к Хесу Фья, успел подумать Ивар.

Прошло какое-то время. Он вроде бы пребывал в забытии, не в силах понять, закончилось ли перевоплощение. Сигнал все еще слышался, но казалось, что это вовсе не звон, а гулкие тяжкие удары, сотрясавшие саркофаг, компенсирующую жидкость и тело Тревельяна. «Что-то случилось на станции?...» – мелькнула мысль.

Но он уже был в другом месте.

Глава 3

Нападение

Удары громом отдавались в голове, и Тревельян сообразил, что колотят по железному билу, висевшему перед тоннелями казарм гвардейцев. Внезапно грохот прекратился, зато где-то совсем рядом взревел капитан Шат Сута:

– К оружию, черви помойные! Явите доблесть, выползки с юга! Ханг Аррх атакует!

Ивар пулей выскочил из гамака. Хау и Оси Шиха уже вооружались, гремя доспехами, Тос Фиут по прозвищу Кривая Шпора со свистом втягивал соленую водичку из каменной бадьи. Пойло в ней не переводилось – Тоса днем и ночью мучили демоны, и был лишь один способ, чтобы заглушить их голоса: хлебнуть и прикончить любого, кто под лапу попадет.

Слушая рев капитана, Ивар сомкнул жвалы, усы и зрительные антенны, просунул голову в отверстие кольчуги и, пустив в ход четыре верхние конечности, расправил доспех – так, чтобы он прикрывал брюхо и спинной гребень. Надеть шлем было труднее, но обошлось, рефлекс Хеса Фья не подвели. Под защитным снаряжением валялась в углу каморки груда смертоносного железа. Тревельян вытянул два тесака и следом за Хау и Шихой выбрался в коридор. Позади гремел оружием Кривая Шпора, скрежетал жвалами и шипел проклятья.

Прошло не более пяти минут, и гвардейцы синей роты, перекликаясь и молодецки ухая, заполнили тоннель от решетки у входа до дальнего тупика. Ивара пару раз хлестнули усами по шлему, кто-то ткнул его в бок средней лапой. Несомненно, то были знаки приязни и уважения – весть о его поединке с Чиу Кхатом и славной победе уже распространилась среди синих. Раздалась команда «К стене!», и бойцы, лязгая железом, начали строиться в две шеренги. Оси Шиха встал рядом с Тревельяном, место более рослых Тоса Фиута и Хау было в голове отряда.

– Слава твоим шпорам, – негромко проскрежетал кто-то из гвардейцев за спиною Ивара. – Пустить Чиу Кхата на мясо... Давно пора!

Капитан синих, в кольчуге, но без шлема, с палицей и огромным топором в передних лапах, прошелся вдоль шеренги. Затем, ударив топорищем о пол и лязгнув жвалами, сообщил:

– Твари из Ханг Аррха ползут к нижним ярусам. Мы защищаем верхний карниз, желтая рота встанет в тоннелях. Без моей команды не спускаться! Именем Великой Матери! Ослушнику выдеру усы!

С этим напутствием гвардейцы выбрались наружу. Солнце уже маячило тусклым пятном за свинцовыми облаками, но слой ночного снега на городских террасах еще не растаял. Холмистую равнину тоже покрывал снег, и из этой белесой дали ползли к городу Рхх Яхит колонны атакующих, ясно различимые с высоты. Два отряда на флангах, а между ними с шумом и грохотом двигался самый многочисленный – там, вероятно, шли благородные воины и крупные солдаты второго помета. Еще дальше, почти незаметный в дымке, что струилась над равниной, тащился обоз – сотни шошотов с поклажей и телеги на огромных колесах. На нижних ярусах Рхх Яхита были видны толпы защитников – солдаты городской стражи и согнанные в помощь архи второго и третьего пометов.

Синие растянулись вдоль карниза. Большинство с тесакми, но Тос Фиут и Хау, самые рослые и мощные, выбрали топоры. Эти двое и Оси Шиха были лучшими бойцами, и сам капитан относился к ним с почтением, даже к Хау, потерявшему семейное имя, так как весь его род истребили дикари из южных лесов. Хау прозвали Каменный Лоб, но эту кличку он не любил, считая ее оскорбительной, и даже прикончил пару-другую насмешников.

Утвердившись на краю карниза, Тревельян огляделся и выяснил, что за их четверкой – заведение Кьюка, и сам Кьюк с двумя помощниками маячит у входа в «Обломанные усы» с длинным вертелом в верхних лапах. Кьюк, принадлежавший к третьему помету, уступал солдатам ростом, но не сноровкой – разделывать мясо ему приходилось чуть ли не каждый день. Подумав об этом, Ивар вспомнил Чиу Кхата, мокнущего сейчас в соляном растворе, и решил, что нет худа без добра: по случаю драки утренняя трапеза отменилась.

Пробудился Командор, спросил, что за головорезы атакуют город, откуда они взялись и где находится Ханг Аррх, их гнусная нора. Но об этом у Тревельяна были смутные понятия – густая облачность над планетой препятствовала орбитальному картированию. Мнилось ему, что Ханг Аррх – крупный центр где-то на востоке, давний враг, но о прочем память носителя молчала. Хес Фья был не очень силен в местной географии.

Зазвенела кольчуга, Тос Фиут вытянул мощную лапу, царапнул шпорой его шлем и прохрипел:

– Усы!

– Что – усы?

– Втяни усы, безмозглый, если не хочешь их лишиться.

«Полезный совет, – добавил Командор. – Твой приятель, хоть и пьян, а дело понимает».

От Фиута, и правда, несло соленой водицей. Соль в метаболизме местного биоценоза служила важным элементом обмена веществ; обычно ее потребляли в умеренных дозах, а в неумеренных, особенно в водном растворе, она влияла на архов так же, как алкоголь на человека. Соль являлась расчетным средством и синонимом благополучия, из-за нее велись войны, ее добывали, прятали в самых глубоких пещерах и тщательно охраняли. Тот, кто контролировал Соляные Пути, ведущие от южных озер, всегда был в прибыли; остальные выменивали соль на краску, металл, различные изделия, мясо, скот и птичьи яйца.

Тос Фиут снова зазвенел кольчугой, постучал по собственному шлему.

– Демоны... опять демоны... хотят меня сожрать... пойло... где пойло?..

– Не время пить, время драться, – заметил Хау. Его голос был похож на скрежет напильника по жести.

– Демоны трусливы, они боятся острого железа, – добавил Оси Шиха. – Разобьешь панцирь врага, и демоны отступят.

– Я разобью трижды три! – Тос Фиут грохнул обухом топора о камень террасы. – Трижды три и еще столько же! Пусть их Мать плодит ублюдков! Я убью их всех!

«Разошелся парень, – прошелестел Советник. – Кстати, что у него с головой? Шизофрения или белая горячка?»

«Не знаю, – отозвался Тревельян. – Их раса как будто не страдает психическими расстройствами. Но это неподтвержденная информация».

Войска Ханг Аррха приблизились к первому городскому уровню, раздался оглушительный рев, с обеих сторон полетели камни, глыбы льда и нечистоты. Пользы от этого не было никакой – камень не мог пробить хитиновый панцирь, а тем более железную кольчугу. Обмен метательными снарядами просто давал выход ярости и злобе.

«Взгляни на их построение, малыш. Соображают, тараканы! – молвил Командор. – Ставлю свой мундир с орденами против капли соленой водички, что они готовятся к прорыву. Фланговые отряды завяжут бой, а та колонна, что в центре, полезет к вам. У тебя в метателе плазмы полный заряд? Пока лезут, половину можно скосить!»

«Какой метатель, дед? Откуда? У меня только эти железки», – напомнил Ивар, позвонив своими тесаками. Звон, похоже, был воспринят как проявление боевого духа – капитан, шагавший вдоль ротного строя, одобрительно лязгнул жвалами.

Поднялся ветер, в воздухе закружились, заплясали снежинки. На мгновение в разрыве между туч сверкнуло солнце, озарив равнину серебряным светом. Холмы, запорошен-

ные снегами, низкое серое небо, тысячи странных нечеловеческих существ, копошившихся внизу... Эта картина будила в памяти что-то знакомое. Сайкат, Равана, Осиер?.. Горькая Ягода?.. Нет, решил Тревельян, скорее похоже на пустынные пространства Хтона. Только там обитали не живые существа, а мириады роботов...

На нижних ярусах уже кипела битва. Вздвигались топоры и тесаки, слышался хруст панцирей и скрежет тысяч лап по камню, бойцы то вставали в полный рост, желая нанести удар, то ползли вперед по трупам павших. Как предсказывал Советник, сражалась часть вражеского войска, не самая грозная – солдаты без шлемов и кольчуг, такие же, как в городской страже Рхх Яхита. Что до отряда избранных воинов, те сбились в плотную кучу и замерли, точно стая хищников перед стремительным броском.

– Ррху! Ррр-хуу!

Оглушительный вопль ярости долетел до верхнего карниза, и закованная в железо орда ринулась на штурм. Под ее напором строй защитников дрогнул и распался; одни были убиты, других отшвырнули в сторону, третьих придавила тяжесть промчавшихся над ними бойцов. Миг, и склоны пещерного города покрылись множеством фигурок. Они упорно лезли вверх, карабкались с террасы на террасу, не обращая внимания на лавки, мастерские и жилые норы обитателей Рхх Яхита. Вверх, вверх, к покоям Королевы-Матери, к пещерам Мужей, к складам драгоценной соли...

Хес Фья был молод и, возможно, еще не участвовал в крупных сражениях, но его родовая память рисовала Тревельяну страшные картины: разоренный город, толпы пленных, которых гонят на убой, и враги, терзающие плоть Великой Матери. С ее смертью и с гибелью самок первого помета, способных заменить ее в будущем, город архов тоже умирал, иногда на долгие, долгие годы. Потом приходили жители из более мелкого поселения, когда-то не замеченного врагами, Мать их рода становилась Королевой и одаряла свое племя обильными пометами. Умножившись в числе, собрав союзников из ближних цитаделей, они уходили в набег, мстили за поражение, и на континенте снова появлялся разоренный город. Возможно, думал Тревельян, пришельцы из Ханг Аррха тоже мстят, согласно понятиям архов о справедливости. Мстят или просто желают ограбить Рхх Яхит.

Он поднял тесак и снес голову солдату. Слева и справа от него залязгало железо, огромный топор Тоса Фиута грохнул по шлему воина, разрубив металл; Хау ударил другого бойца и столкнул труп с карниза. Оси Шиха, как и Тревельян, вооружился тесакми, но лезвие застряло в кольчуге противника; бросив тесак, Оси ткнул шпорой в прорезь шлема. Набежали новые враги, семеро солдат в легких доспехах, которых вел первопометный в пластинчатом панцире. Фиут сцепился с ним, с лезвий топоров брызнули искры, шпоры средних лап пытались продавить броню. Четыре солдата облепили Хау, свалив его с ног, их короткие клинки скребли по его кольчуге и шлему. Еще двое бились с Шихой, а Ивару достался один противник, зато сильный и верткий – может быть, солдат из тех, что покрупнее, или молодой туа па. У него тоже были тесаки, и пока Тревельян старался проткнуть ему брюхо, Оси Шиха зарубил обоих врагов. Наконец верткий лишился лапы, а затем головы, и Шиха с Иваром поспешили на помощь Хау. Тот, бросив топор, ворочался под телами солдат, которых было уже не четверо, а шесть или семь, бил их шпорами, рвал усы и зрительные стебли. Кто-то уже не двигался, кто-то, не замечая опасности, с яростным воем гремел палицей по шлему Хау. Ивар и Шиха прикончили всех.

«Славная битва, малыш, – прокомментировал Советник. – Враг повержен, и ты сберег усы. Действуй дальше в том же духе».

Тос Фиут, поставив лапу на труп врага, ревел песнь победы. Пожалуй, преждевременно – во многих местах противник прорвался на террасу, и несколько первопометных в тяжелом вооружении пытались взобраться к верхним тоннелям. Не очень разумная затея – там их поджидали желтые и их капитан Хите Сута. Но, как уже знал Тревельян, архами во многих

случаях руководил не трезвый расчет, а жадность, ярость и, разумеется, голод. Воинство, подступившее к Рхх Яхиту, шло по заснеженным равнинам немало дней и изголодалось по мясу и соли – это вместе с яростью было главным в ментальных излучениях орды. Ивар ощущал импульсы голода так же ясно, как тяжесть оружия в лапах и резкие порывы ветра.

– Туда! Бей, бей! – прохрипел за его спиной капитан, вытянув мощную лапу с палицей к толпе сражавшихся. Шат Сута был по-прежнему без шлема, его усы стояли торчком, жвалы скрежетали и шелкали. С доспехов капитана стекала белесая жидкость, клочья чужой плоти висели на шипах палицы, и походил он сейчас на жуткого демона – возможно, из той своры, что терзала Тоса Фиута. Там, куда он тянул свое оружие, кружилась яростная свалка, гремело железо, мелькали топоры и тесаки, и в провал за краем карниза сыпались десятки трупов.

Ринувшись за Шат Сутой, Ивар и трое его соратников плотным клином рассекли толпу. Среди бойцов Ханг Аррха здесь не было солдат, только благородные первого помета, и дрались они отчаянно, стараясь пробиться к стене с зиявшими в ней тоннелями. Похоже, то была особая команда, которую вел рослый арх с чудовищными шпорами на средних лапах. Завидев его, капитан издал гневный вопль и в знак вызова швырнул на землю палицу и топор. Вражеский вождь тоже бросил секиру, ударил шпорами о доспех и прошипел что-то непотребное. Они сошлись в кольце своих бойцов, на опустевшем пятачке, но схватка была недолгой: неведомо как в лапе Суты появился острый штырь, и капитан всадил его врагу в щель забрала. Потом подхватил свое оружие и рявкнул:

– В топоры! Сбросить с карниза трупоедов!

– Ррху! – ответили гвардейцы, оттесняя врагов к провалу. – Ррху! Ррр-хуу!

Опять загремело, залязгало железо, вниз снова посыпались живые и мертвые. Треть синей роты уже легла бездыханно, и со стены стали спускаться на помощь желтые – не все, ибо охрану тоннелей никто не отменял, но в достаточном количестве. Из щелей и нор, выходящих на карниз, полезли их обитатели, кто с ножом, кто с топором или дубиной; исход битвы был ясен, и теперь каждый хотел помочь героям-гвардейцам, а заодно разжиться мясом и прочими трофеями. У входа в «Обломанные усы» Кьюк с помощниками добивал какого-то солдата – шестипомерные его держали, а Кьюк деловито тыкал вертелом. Другие архи копались в грудах трупов, тоже добивали раненых, оттаскивали убитых к стене, срывали шлемы и кольчуги; все было ценностью, и оружие воинов, и сами их тела.

Обозрев остатки своей гвардии, капитан Шат Сута проскрипел:

– Кто еще хочет рубить и колоть, может развлечься. Кто хочет свежего мяса, тот его получит. На нижние карнизы, хата шис! Бей трупоедов!

Хата шис – те, кто служат, – было еще одним названием благородной касты, даже еще более почетным, чем туа па. Такое от капитана-сквернословца в синей роте слышали редко, чаще он поминал тухлое мясо, помойных червей, птичье дерьмо и безусых выползков.

Вдохновленные гвардейцы перебрались за край карниза и потекли к нижней террасе. Она была во всю длину завалена телами в искореженных доспехах, и никто не шевелился в этом хаосе битого железа, переломанных лап, треснувших панцирей и застрявших в шлемах и кольчугах секир и тесаков. Не останавливаясь, цепь синих и желтых поползла дальше, к первому ярусу, где еще кипела схватка; там городская стража и ополченцы сражались с солдатами Ханг Аррха, а неподалеку темным пятном среди белых снегов виднелся обоз. Неплохая добыча, даже если все припасы были по дороге съедены.

Оттеснив ополченцев, гвардия ударила по остаткам вражеского воинства. Свежего мяса хватало, и потому пленных не брали, рубили всех, кто не успел сбежать. Было таких немного, и ждали их скитания в бескрайней степи и неминуемая смерть: долгая – от голода или быстрая – в клыках хищников.

Когда вышли к обозу, к телегам и лежавшим в снегу шошотам, солнце уже поднялось в зенит. Невидимый диск светила пятном маячил за облаками, снег таял, и над равниной

стояла туманная мгла. За гвардейцами тащились толпы горожан и ополченцев, архи второго и третьего пометов со своими работниками и слугами – они, похоже, считали обоз законной добычей, наградой за доблесть в схватке с врагом. Но у капитана было на сей счет иное мнение. Он стукнул обухом топора по колесу ближайшей телеги и проревел:

– Собственность Великой Матери! Назад, черви помойные! На карнизах полно мяса! Сдирайте панцири и жрите, а то, что здесь, не про вас!

С ворчанием и недовольным скрежетом толпа откатилась. Шат Сута осмотрел гвардейцев, фиксируя взгляд на тех, кто не лишился лапы, усов или другой части тела, затем вытянул зрительные стебли к Тревельяну:

– Ты, Хес Фья! Ты шустрый, Чиу Кхата завалил! А потому станешь дозорным у телег! И чтобы камешка не пропало!

– Я шустрый, – согласился Ивар, – но телег много, а шошотов еще больше. За всем не усмотреть.

– Кхх... много... – Капитан ненадолго впал в задумчивость. – Много, да. Хау, Тос Фиут и Оси Шиха! Останетесь здесь. Если полезет кто из города, разбейте башку. Вот и будет у вас мясо!

Шат Сута развернулся и повел уцелевших гвардейцев наверх, к казармам и покоям Великой Матери. А также к заведениям, где можно было выпить соленой водицы и съесть мясных червей, не говоря уж о таком деликатесе, как птичьи яйца. Четверо стражей остались при обозе.

* * *

Миновала середина дня, из туч посыпались первые снежинки, ледяные порывы ветра закружили их над холмами. Арханг был холодной планетой, и ноль по Цельсию воспринимался здесь как вполне умеренная, даже комнатная температура. Но с ее понижением – а ночью случалось до минус сорока – на архов нападала сонливость. Их физиология все еще была предметом споров для биоксенологов Фонда: с одной стороны, они походили на насекомых в хитиновых панцирях и размножались посредством маток-цариц, как муравьи или пчелы, а с другой – они не откладывали яиц, принадлежали к живородящим тварям, и, кроме внешнего, у них имелся внутренний скелет. Необычные существа! С целью их предварительной классификации биологи сошлись на том, что они принадлежат к особому классу псевдоэнтомонов, виду «арх миракль»¹⁵, и могут считаться условно теплокровными. Неясно, что под этим подразумевалось – крови, как таковой, у архов не было.

Существовал лишь один способ борьбы с ночной вялостью и сонливостью – мясная пища, богатая солью. Обитатели Арханга могли долгое время голодать, но обычно ели часто и помногу, особенно по вечерам, когда понижение температуры стимулировало аппетит. Час этот наступил с той же неизбежностью, с какой в любом мире день сменяется ночью, а ночь – днем. Четверо стражей сошлись в кружок и сняли доспехи.

– Вот и награда за нашу доблесть! – злобно прошипел Оси Шиха. – Ни еды, ни отдыха... Вся честь – сторожить добро трупоедов из Ханг Аррха!

– Теперь это добро Великой Матери, – напомнил Хау, поводя усами с явным раздражением. – Но пожрать не мешает. Я голоден!

– Демоны! – лязгнув жвалами, откликнулся Тос Фиут. – Демоны что-то шепчут... шепчут, что им нужно пойло... Мне тоже!

Тревельян ничего не сказал – в этот миг он слушал советы Командора.

¹⁵ Псевдоэнтомоны – от «pseudos» («ложный», «мнимый») и «entomon» («насекомое»); «арх миракль» – от «miracle» («чудо»).

«Держись от них подальше, – шелестел бесплотный голос. – Ублюдки голодны и желают выпить, а у вас ни пойла, ни мяса. В такой ситуации ищут крайнего. Ты меня понял, мальчуган?»

«Не ворчи, дед. У нас боевое братство, один за всех и все за одного. Словом, честь по чести», – возразил Ивар.

Но Командор не унимался:

«Видали мы таких братков! Подальше держись, говорю! Так, чтобы не зацепили шпорой!»

Хау встал на задние лапы, вытянулся в полный рост и направил глазные антенны в сторону обоза. Хау был тугодум, однако на память не жаловался.

– Много телег, а шошотов еще больше... За всем не усмотреть... Это он сказал? – Теперь стебли Хау были направлены на Тревельяна.

– Он, – подтвердил Оси Шиха.

– И потому мы здесь?

– Истинно так. Здесь, без отдыха и без мяса.

– И без пойла, – с горечью добавил Тос Фиут.

– А могли бы сидеть в «Обломанных усах», – подвел итог Хау, пристально глядя на Тревельяна.

«Вот ты и крайний, – сообщил Командор. – С нас-то взятки гладки, раскочегарим реактор и вспорхнем в небеса, а твоего Фьюшку эти молодцы съедят. Что станет вечным твоим позором!»

Основания к такому выводу имелись: во-первых, Ивар обнаружил, что сотоварищи обступили его, отрезав дорогу к бегству, а во-вторых, начало темнеть. Известно, что в темноте творятся самые черные дела.

– Мясо мы найдем, есть у нас мясо! – рявкнул Хау, придвигаясь ближе к Тревельяну. – Топоры при нас, разделать недолго! А с пойлом как? Где пойло взять?

– Пойло! – лязгнув жвалами, повторил Тос Фиут Кривая Шпора. – Пойло! Демоны! Пойло!

Ивар попытался отступить, но его кольнули чем-то острым пониже спинного гребня. Сзади стоял Оси Шиха с клинками в обеих лапах и облизывался. Собственно, ни языка, ни губ у него не имелось, но облизнуться он все же мог, выставив хоботок, которым втягивая пищу.

– Не дергайся, тухлое мясо, – негромко прожужжал Оси. – Проколю насквозь, от хребта до брюха.

«Бей тесаком промеж жвал, – посоветовал дед, – бей и беги! Этого уложишь, а параноик-алкаш и второй бычара тебя не догонят. Ты тут самый шустрый!»

Но Тревельян остался на месте, хотя тесаков из лап не выпустил.

– Вот что, достойные туа па, я тоже голоден и хочу выпить. Желаете ссориться, я готов, мне тоже недолго разделать мясо, – молвил он, почесывая шпорой под грудным панцирем. – Но у нас есть шошоты. Шошот – это очень много мяса. Вчетвером за ночь не съесть.

– Они теперь принадлежат Великой Матери, – с сомнением произнес Хау.

– А кто их считал? – возразил Тревельян. – Шошотом больше, шошотом меньше... Шкуру, кости и остатки мяса закопаем.

Наступила тишина. Три гвардейца напряженно размышляли, обдумывая это предложение. Потом Оси Шиха проскрипел:

– Честь первородных хата шис... Не нанесем ли мы ей ущерб? На страже стоим, добро охраняем... и шошотов, и телеги...

Тревельян хлопнул тесаком по животу.

– А это мясо разделить честь позволяет? Я ведь тоже принадлежу Матери-Королеве... и я, и вы трое.

– Верно, – подтвердил Оси после недолгой паузы. Среди трех сотоварищей Тревельяна он был самым сообразительным и разговорчивым. – Верно, но очень хочется жрать.

– Очень, – согласился Хау.

– Жрать и поила! – простонал Кривая Шпора.

– Шошоты – мясо, а с пойлом как? – подвел итог Оси Шиха.

– Тогда поищем на возах, – предложил Тревельян. – Может, и соль найдется.

Хау в сомнении пошевелил усами.

– Соль... откуда? Эти трупоеды пришли сюда голодными.

– Это так, воины не ели, даже первопометные, – сказал Тревельян. – Но у воинов есть командиры, а у этих всегда что-то припрятано. Стоит поискать.

– Кхх... тоже верно... – в задумчивости произнес Оси Шиха. – У нас и у желтых первый кусок – капитанам. Так и должно быть. Они оба Сута из правящей семьи, их род всех благороднее в наших землях. В Ханг Аррхе, хоть там одни трупоеды, тоже есть высшие и низшие, и что положено одним, не положено другим. Таков порядок!

Оси любил порассуждать об отвлеченных материях, но Хау надоели разговоры. Он стукнул древком топора о землю и прохрипел:

– Темнеет! Пойдем к телегам.

Телеги были собраны из грубых деревянных досок, перехваченных железными скрепами. Никаких хитростей, ни рессор, ни тормозов, ни пологов, просто большие ящики, водруженные на огромные колеса, тоже деревянные. Было их не меньше сотни. Рядом с возами дремали шошоты, на их мохнатые спины и бока падал снег, не скрывая, однако, того, как отощали животные. Иногда один из зверей раскрывал пасть, и равнина оглашалась тоскливым голодным воем.

Большая часть телег оказалась пустой, некоторые несли груз запасных доспехов и оружия – большая ценность для города Рхх Яхит. Еще нашлись краски пяти цветов и бухты толстых веревок – очевидно, чтобы вязать пленников, еще упряжь для шошотов, немного хвороста и котлы, в которых растапливали снег. Наконец Хау, шаривший в возах с похвальным усердием, издал протяжный вопль, и три остальных искателя прямиком направились к нему.

Воз был побольше остальных, на шести колесах, и в нем обнаружилась бадья с засоленным мясом, корыто с птичьими яйцами и пара бочонков с пойлом. Несомненно, личный запас предводителя, который валялся мертвым на какой-то террасе Рхх Яхита либо, что не исключалось, пополнил меню «Обломанных усов» или другого кабака. При виде такой роскоши три гвардейца возбужденно зашипели, бросили оружие и полезли в телегу. Тревельян не отставал от них, стараясь не думать, чье мясо находится в бадье. Впрочем, голод не тетка, и долго он не размышлял.

Зубов у архов не имелось, и они употребляли только мягкую пищу и жидкости, втягивая их хоботками. Лучшей, самой деликатесной едой считались яйца больших нелетающих птиц или, возможно, стрекоз – на Арханге разница между насекомыми и прочей фауной была весьма размытой. Оголодавшие воины набросились на яйца, запивая их рассолом из бочонка, потом принялись за мясо, и Тревельян с облегчением понял, что это не плоть мыслящей твари, а мясные червяки. Также деликатес, если черви хорошо откормлены.

Трапезничали на ощупь, в полной темноте. Хау жадно урчал, поглощая мясо, Тос Фиут больше булькал, то и дело присасываясь к бочонку, Тревельян и Оси Шиха, не забывая о мясе и пойле, затеяли дискуссию о привилегиях. Ивар пытался доказать, что все разумные создания равны, а потому недопустимо, чтобы кто-то сладко ел и пил, а остальные страдали от голода. Что до Оси, он стоял на том, что сословные различия и последствия оных происходят из самой природы архов: в любом семействе Мать и ее Мужья – наверху, под ними –

доверенные слуги, вроде капитанов синих и желтых, затем прочие туа па и, наконец, пометы низших, от солдат и торговцев до презренных работников. Таков порядок, и если его нарушить, мир будет поколеблен или совсем перевернется. Что же касается голодных врагов, которых вел на Рхх Яхит их предводитель, то это полезный обычай: голодные злы и дерутся с большей доблестью, чем сытые. Спор длился, пока не закончилось мясо, но еще раньше Ивар понял, что Оси абсолютно невосприимчив к идеям демократии.

«Не трать времени на этого ублюдка, он ярый монархист, – заметил Командор. – Подрывную работу нужно вести среди недовольных, они порох революции».

«Я не собираюсь устраивать здесь революций, – отозвался Тревельян. – Кстати, это запрещено уставом Фонда. Мы действуем путем терпеливых усилий и медленных перемен».

«Устав я уважаю, но этих тараканов не мешало бы встряхнуть. Вспомни, мой мальчик, заветы предков о революции: верхи не могут, низы не хотят, и положение народа хуже обычного. Как здесь с этими предпосылками?»

«Никак, дед. Для местных условий такая мудрость не годится. Тут и верхи, и низы выходят из чрева Великой Матери, и номер помета определяет статус особи. Биологическая иерархия гораздо жестче, чем социальная».

«Однако...» – начал призрачный Советник, но Тревельян его прервал:

«Сейчас мы не трудимся над эстапом, который толкнул бы это общество на стезю прогресса. Напомню, что у нас локальная задача: розыск пропавшего испытателя. Мы ищем Винса Кораблева».

Командор отличался упрямством, и, возможно, у этой беседы было бы продолжение, но тут в темноте раздался тихий шорох. Скрипнула пустая бадья – кажется, Хау ее отодвинул, потом начал шарить лапами по днищу воза. Его массивный силуэт почти сливался с мраком, но смутные очертания Ивар все-таки мог различить. Похоже, Хау искал свой топор.

Шорох послышался снова.

– Подбираются к обозу, – тихо прожужжал Оси и слез с телеги.

– Пусть подбираются, – откликнулся Хау. – Мы все уже съели.

– Но не все выпили. Целый бочонок остался.

– Это верно. Пошли, проверим.

Тревельян, схватив тесаки, тоже спустился на заснеженную землю. Тос Фиут попробовал встать, опираясь о бортик возка, но рухнул в пустое корыто и просипел:

– Демоны не пускают... пойла отведали, не шумят, но не пускают... лапы... лапы, как не свои...

– Оставайся, – буркнул Хау. – Справимся.

«Окосел ваш Кривая Шпора, – заметил Советник, призадумался и добавил: – Небеса черные и голубые! Сколько в Галактике странного, сколько чудес! Кни'лина, черти лысые, спиртного не пьют, считают ядом... У лончаков тинтахское вино, вроде без алкоголя, а хлебнешь, и мозги набекрень... Но если б услышал я в былые годы, что найдется тварь, косеющая от соленой водички! *Casus improvisus*¹⁶, как говорили латиняне!»

Под болтовню Командора Ивар пробирался между возами, ориентируясь по щелканью жвал идущего впереди Хау. Щелк, щелк, щелк... Обычный прием гвардейцев в случае ночного боя, чтобы не потеряться в темноте и не проткнуть соратника. Кажется, Хау не тревожился о том, что, кроме Ивара и Оси, кто-то может его услышать. Поднявшись на задние лапы и слегка покачиваясь, он топал вперед, словно танк, вооруженный вместо пушки топором.

В темноте зазвенели клинки, Хау выкрикнул: «Ррху!», – и рубанул своей секирой. Справа, где двигался Оси, тоже раздалось яростное шипенье, потом лязг металла о металл

¹⁶ *Casus improvisus* – непредвиденный случай (лат.).

и предсмертный вопль. Смутная тень метнулась к Тревельяну, он пропустил нападавшего мимо себя, кольнул тесаками по обе стороны спинного гребня и добавил шпорой в бок. Прямо за спиной взревел шошот, стал приподниматься, осыпав Тревельяна снегом, и это спасло его от острого штыря – второй противник то ли поскользнулся, то ли принял его в темноте за шошота. Ивар с размаха ударил правым клинком, ощутил, что лезвие застряло в грудном панцире, и нанес еще один удар, по нижним лапам. «Хррр...» – прохрипел его враг и повалился ничком.

– У меня трое, – щелкнув жвалами, сообщил Хау.

– Двое, – откликнулся Тревельян.

– У меня столько же, но один в доспехах. – Было слышно, как Оси Шиха ворочает мертвые тела, царапая шпорой о кольчугу. – Первопометный и с ним солдат, но не из города. Трупоеды! Зачем вернулись?

– Это сбежавшие в степь, – произнес Тревельян, вытаскивая клинок из грудного панциря. – А вернулись они для того, чтобы взять шошотов. Иначе до Ханг Аррха не добратся.

– Тогда и другие могут напасть, – заметил Оси. – Придется стеречь шошотов и телеги.

– Постережем, – без особой радости согласился Хау. – Мяса теперь много.

Они разошлись. Хау и Оси заняли позиции со стороны равнины, Тревельяну достался ближний к городу пост. Мнилось ему, что отсюда до первого яруса Рхх Яхита не более двух километров, но ни единый знак не намекал, что за пологом тьмы прячется большое поселение, одно из самых крупных на планете. Архи пользовались огнем в кузницах и при выплавке металла, а для освещения нор и пещер – редко, в особых случаях, и потому город был темен и молчалив. Ни звуков, ни мерцания огней, ни звезд на небе, затянутом тучами.

Тучи и низкая облачность являлись главной помехой для визуальных наблюдений с орбиты и с автоматических зондов. Кроме того, никак не удавалось проследить за отдельным архом; все они на человеческий взгляд казались похожими, точно сонмище пчел, термитов или муравьев. Традиционные способы, пометка какой-нибудь особи радиоактивной краской или внедрение микропередатчика, были бесполезны, так как жизнь обитателей Рхх Яхита и других поселений протекала большей частью под землей, в норах и пещерах. В результате выбор носителя становился случайным делом: ретранслятор подвешивали над толпой первопометных, когда те появлялись из нор, и ментальный импульс не имел прямого и точного адресата. Стрельба по площадям, как было сказано старым мудрым Фархадом аль Хамадани... Размышляя над этим, Ивар чувствовал смутное беспокойство, как всякий профессионал, желающий выполнить свою работу наилучшим образом. Возможно, думалось ему, выбор объекта пересадки надо усовершенствовать – с тем, чтобы агент не попал в дефектную по каким-то параметрам особь. Возможно, как говорил Фархад, физиология архов, а особенно – их психокосмос, мир побуждений, тайных желаний и подсознательных инстинктов, нуждался в более тщательном исследовании. Наконец, не стоило исключать, что хотя архи с их двойным мозгом очень подходили для апробации новой методики, сам Арханг, в силу геофизических и атмосферных условий, был слишком сложной средой, где традиционные способы контроля не работают. Тревельян не сомневался, что на Осиере, Раване и в других гуманоидных мирах много проще дотянуться до любого жителя планеты и изучить его во всех подробностях.

Прошло несколько часов. Мрак постепенно отступал – равнину по-прежнему заливала тьма, но небо на востоке уже начало светлеть. Арханг был лишен небесных красот, не выпускали тут крылья алые зори, не садилось солнце в багряном пламени заката, преобладали краски серые, белесоватые или чуть подернутые охрой, но неизменно угрюмые. Впрочем, архов это не волновало. Местные понятия о красоте отличались от человеческих, и, возможно, самым прекрасным зрелищем был здесь бочонок с пойлом.

Вспомнив о бочонке, Тревельян дождался восхода, оглядел карнизы Рхх Яхита, где пока ничто не шевелилось, и решил, что нужно проведать спящего соратника. Эта мысль добралась до Командора, и он выразился в том смысле, что Фиут, конечно, крепкий парень, но белая горячка не таких крутила и ломала. Может, он упал с возка и замерзает в снегу или намылил веревку и хочет повеситься, а может, вовсе копыта откинул. Надо, надо проведать! Десант не бросает своих!

Но мрачные ожидания не оправдались – Тос Фиут спал себе в телеге и даже жвалами не щелкал. Видно, ночевка на свежем воздухе пошла ему впрок – ночной холод отогнал демонов, выморозив их на время или навсегда из головы Фиута. Ивар отложил тесаки, залез в телегу, убедился, что бочонок пуст, разве что капля осталась на донце, и перевернул сотоварища на брюхо. Архи спали именно так, на животе, подобрав под себя четыре нижние лапы и уложив голову между верхними. Спать на спине мешали гребни, поза на боку тоже была не очень естественной, но Тос Фиут лежал именно так, привалившись к бортику телеги.

Бортик был сбит из трех широких, грубо обтесанных досок. Солнце уже взошло, света хватало, и Тревельян, растопылив глазные антенны, уставился на доски. Дерево покрывали царапины, и что-то чудилось в них знакомое, что-то такое, чему на Арханге места нет – ни сейчас, ни в прошлом, ни в будущем. «Рисунки?..» – подумал он. Нет, в изображение как-то не складывается, на узоры тоже не похоже, да и какие узоры у архов?.. Не украшают они узорами ни стены жилищ, ни предметы быта, ни, тем более, повозки... Что-то вроде карты?.. Возможно, с маршрутом от Ханг Аррха до Рхх Яхита?.. В телеге военачальника она была бы к месту, но Ивар знал, что архи карт не чертят – во всяком случае, никто из полевых агентов не сообщал об этом их умении.

«Ты глазки-то в кучку собери, – посоветовал Командор. – Не видишь разве? На буквы похоже, на земную лингву¹⁷. Вроде бы «В» и вроде бы «И»... А что там дальше? Больно коряво написано, никак не разберу...»

Но Тревельян разобрал и замер, будто громом пораженный.

ВИНС, ВИНС... И снова: ВИНС, ВИНС, ВНС... Точно вопль о помощи...

¹⁷ Земная лингва – единый язык Земной Федерации, который начал складываться в конце XXI века, став вскоре универсальным средством общения.

Глава 4

Ханг Аррх

– Похоже, мы сбились с пути. Нужно взять севернее, – сказал Тревельян. Потом немного подумал и добавил: – Или южнее.

Мансур Мадурай, пилот экспедиции, только хмыкнул. Они, оба в человеческой ипостаси, сидели в креслах-коконах¹⁸ и в то же время мчались над поверхностью планеты. Шлем полного контакта связывал Мадурая с зондом-разведчиком, летевшим так низко, что покрывающий равнину снег клубился в потоках воздуха. Тревельян мог видеть то же, что и пилот, но не вмешиваться в управление – для полета над холмистой местностью его квалификации не хватало. Сейчас он был только наблюдателем.

Их аппарат двигался от Рхх Яхита на восток, где, как предполагалось, лежала земля врагов и соперников. Следы прошедшего по равнине воинства сначала казались заметными – колеи от телег, почва, утоптанная множеством лап, груды костей на месте ночлегов, обгоревшие ветви и даже брошенный за ненадобностью дырявый котел. Но в сотне километров от города явные знаки, скрытые прошедшим временем и снегом, стали постепенно исчезать. Теперь под аппаратом простиралась унылая степь, кое-где поросшая лесом, с торчавшими тут и там скалами, пересеченная редкими водными потоками, что покрывались ночью льдом и не всегда оттаивали за день. Самыми надежными ориентирами здесь были цитадели знатных архов и небольшие поселения с угодьями, где разводили птиц и червей. Но эта обитаемая зона тяготела к Рхх Яхиту, а между владениями его Великой Матери и Ханг Аррхом лежал пустынный дикий край и бродили стаи хищников, помесь ящеров с гигантскими скорпионами. Оставалось только удивляться, как враги, странствуя под беззвездным небом, находили верный путь.

– Думаю, все-таки надо взять южнее, – промолвил Тревельян. Он нервничал, и для этого были две причины: во-первых, поиск Ханг Аррха затягивался сверх ожиданий, а во-вторых, его тревожил Хес Фья, оставшийся под присмотром деда. Нельзя сказать, чтобы Ивар не доверял героическому предку, однако мучили его сомнения. В прежней жизни Командор имел тягу к рискованным приключениям, но тогда эту склонность умеряли привычка к дисциплине, высокий воинский пост, ответственность за подчиненных и боевые корабли. В нынешнем своем статусе Олаф Питер Карлос Тревельян-Красногорцев не отвечал даже за собственные мысли – тем более что воспринять их мог лишь потомок-симбионт. Оставалось надеяться, что он пожалеет Хеса Фья и не втравит его в какую-нибудь авантюру.

Зонд мчался над заснеженной пустыней. Внизу стая ящеров гонялась за птицами. Летать по-настоящему эти создания не умели, но, раскинув куцые крылья, могли планировать при сильном ветре. Птицы отнюдь не являлись беззащитной дичью – четыре лапы с мощными когтями и шпорами делали их достойным противником в схватке с хищной тварью.

– Мансур, держи южнее, – повторил Тревельян.

– Южнее, севернее... – недовольно пробормотал пилот. – Пожалуй, я сделаю несколько кругов над местностью, а вы, шеф, понаблюдайте, что внизу творится. Сейчас утро, а к полудню снег растает. Вдруг обнаружатся какие-то следы.

¹⁸ Кокон – кресло особой конструкции, плотно охватывающее тело; применяется в невесомости и при повышенной гравитации, а также в случае резких маневров корабля – например, в бою или в процессе исследования планет с неблагоприятными атмосферными условиями. При необходимости кресло-кокон снабжается шлемом с панорамным обзором (шлем полного контакта) и аппаратурой связи; эти устройства позволяют управлять на расстоянии роботами, беспилотными зондами и т. д.

Аппарат снизился, распугивая птиц и ящеров. Тревельян озирает покрытую снегами степь, но следов разумной жизни не видел: ни колеи от телег, ни костей, ни кострищ, ни дырявых котлов. Только сцены охоты оживляли унылый пейзаж – ящеры драли птиц, птицы терзали ящеров... Ничего интересного.

С полчаса Мадурай кружил над холмами, то зависая над каким-нибудь местом, то уворачиваясь от каменных глыб на вершинах, от деревьев и обледеневших скал. Полет на малых высотах требовал особого искусства и отличной реакции, но Мансур Мадурай был пилотом от бога. Возможно, талант достался ему в наследство от предков, ловких и предприимчивых – среди них, по словам Мансура, встречались шерпы-скалолазы и воинственные всадники-раджпуты.

Убедившись, что круговой поиск ничего не дает, Тревельян вздохнул и вызвал на лицевою пластину шлема карту материка Яхит. Ее смонтировали по снимкам, сделанным сквозь облака, изображение было размытым, но на востоке явно маячили горы. Не исключалось, что Ханг Аррх лежал в отрогах этой горной цепи, в недрах отвесного обрыва с пещерами и норами. Во всяком случае, все крупные поселения архов, какие удалось найти, располагались у гор и были похожи друг на друга: девять, двенадцать или пятнадцать террас, внизу – стойла для птиц и шошотов, выше – жилища, склады и мастерские, а над самым верхним карнизом – норы первопоментных и обитель Королевы-Матери.

– Летим на восток, к горному хребту, – распорядился Тревельян. – Потом вдоль него на малой скорости. Я хочу осмотреть отроги в полосе триста-четырееста километров. Возможно, город там.

– В горы так в горы, – промолвил Мадурай, поворачивая их маленький аппарат и поднимаясь к тучам. Затем добавил: – Будем на месте минут через двадцать и пройдем над предгорьями с юга на север. Устроит, шеф?

– Вполне.

На этот раз удача им улыбнулась – после недолгих поисков они обнаружили город, причем довольно крупный. В отвесной стене, падавшей от скалистых вершин до лесных зарослей на равнине, было двенадцать террас и множество темных ходов, ведущих в глубь горного массива. По карнизам сновали жители, курились дымы над мастерскими, лес пересекала дорога, тут и там – ямы с мясными червями, а в загонах на первом ярусе Тревельян увидел птиц и стадо шошотов. Город как город, только какой?.. Сидя в рубке управления и связи, названия не спросишь.

Понаблюдав за поселением некоторое время, он решил, что это Ханг Аррх. Первопоментных на верхней террасе сотни три, солдат с зеленой полосой вдоль гребня не больше тысячи, а где остальные? Остальные полегли у Рхх Яхита, только тут еще не знают о поражении. Узнают, когда явятся мстители, перебьют немногочисленных защитников, а прочих горожан сделают живым мясом, чтобы не отощать на обратной дороге. Скучный мир, свирепые нравы и никаких понятий о милосердии... Ничего, подумал Тревельян, справились на Раване, справимся и здесь.

Он снял шлем, освободился от кокона и произнес:

– Благодарю, Мансур. Подвешивай ретранслятор, мы нашли нужное место.

– Будет сделано, шеф.

Тревельян покинул рубку связи. В соседнем отсеке его поджидали Якуб Риша, Брайт и оба полевых агента, Ходковский и Хабблтон. На экранах, что тянулись широким кольцом по стенам, висело изображение города – его передавали датчики зонда.

– Полагаю, это Ханг Аррх, – сказал Тревельян. – Сейчас Мансур выбросит ретранслятор, и мы поищем Винса. Юра, иди подготовь свою технику.

Кивнув, инкарнолог торопливо удалился. Изображение на экранах чуть дрогнуло – зонд отстрелил ретранслятор. Крохотный аппаратик в гравиподвеске, покачиваясь в воздуш-

ных потоках, начал спускаться к городу. Скальная толща и любые другие барьеры не были препятствием для ментального импульса, но нацелить его полагалось так, чтобы активная зона охватила все террасы и подземелья Ханг Аррха.

– Прямая наводка, – раздался голос Мадуря. – Прибор готов к работе.

– Во имя Владык Пустоты... – пробормотал Эд Хабблтон. – Пусть нам повезет...

Все четверо уставились на экраны, будто душа Винса Кораблева могла промелькнуть там зримым призраком. Текли секунды, но Брайт молчал. Тишина, повисшая в отсеке, уже не казалась знаком надежды – скорее, разочарования.

Минута... вторая... третья... Потом:

– Я не могу его вытащить, шеф. Не могу, если он в этом городе.

– Вероятно, его здесь нет, – сказал Риша хмурясь. – Но мы не можем быть в этом уверены.

– Не можем, – согласился Тревельян. – Но гипотезу надо отработать до конца. Если Винс здесь, то он, разумеется, знал о военной экспедиции в Рхх Яхит и догадывался, что мы ищем его там. Тогда письма на доске – послание... Он сообщает, где находится, и ждет помощи.

– Вопрос, как он туда попал, как и зачем, – промолвил Ходковский.

– Есть разные причины – например, с целью предотвратить набег с последующей бойней, – откликнулся Хабблтон. – Или в Ханг Аррхе таится нечто важное, такое, о чем ему удалось узнать, что требует быстрого вмешательства... Он мог отправиться туда с торговым караваном или в одиночку. Расстояние между городами всего семьсот двадцать километров. Там, где прошла армия, пройдет и один арх с парой шошотов.

Риша пригладил волосы и прищурился с задумчивым видом.

– Что ж, такое возможно, но причина должна быть веской. Напомню, мы не имеем связи с вами, с полевыми агентами, когда вы на планете. Поэтому существует инструкция – не покидать зону действия ретранслятора. Строгая инструкция! – Он поднял палец.

– Если Винс в Ханг Аррхе, то он ее нарушил.

– Все это домыслы, а истинной причины мы не знаем, – возразил Ходковский. – Но мне кажется, что надо рассмотреть и другую гипотезу, даже две. Эти выцарапанные знаки могут иметь случайное сходство с нашим алфавитом, и тогда в них не больше смысла, чем в марсианских каналах, увиденных Скиапарелли. И второе: если надпись реальна, она может не иметь отношения к Ханг Аррху.

– В таком случае, кто ее сделал? – поинтересовался Риша. – Тос Фиут в пьяном сне?

– Эта мысль приходила мне в голову, – сказал Тревельян. – Я прозондировал Фиута... собственно, не в первый раз, как и других гвардейцев. Могу утверждать, что с психикой у него не все в порядке – вероятно, из-за пристрастия к горячительному. Но в остальном... – Он пожал плечами. – Убежден, что Винс к нему не подселился.

– А если бы и подселился! – Риша в свой черед пожал плечами. – Если бы подселился, то почему мы не можем его вернуть?

Снова повисла тишина. Затем Тревельян промолвил:

– Причина непонятна, но ретранслятор не в состоянии его извлечь. Отсюда вывод: раз план «А» не сработал, переходим, как и было предусмотрено, к плану «Б». Я отправляюсь в Ханг Аррх на поиски.

Он сделал знак прощания, вышел в коридор и направился к отсекам инкарнологов.

* * *

Странное ощущение, подумал Тревельян, шевеля всеми шестью лапами и ерзая по каменному полу. Лапы на месте, жвалы тоже, усы и зрительные органы в порядке... Голод

и жажда не гнетут, в отхожее место не тянет. Есть желание с кем-нибудь подраться? Безусловно, нет. Какая-то угроза? Тоже нет.

Но странное чувство не отпускало. Он прикоснулся к разуму носителя и едва не подпрыгнул от неожиданности.

Самка! Первопометная самка из служителей Матери-Королевы!

Удача, решил Тревельян. Не просто удача – большая удача! До сей поры ни одному агенту так не повезло. Самец, будь он из трижды благородных, не мог попасть в обитель Королевы, в закрытую, можно сказать, священную часть пещерных городов. Самцам туа па полагалось беречь покой Великой Матери и защищать ее в случае набегов. Те, кто дожил до преклонных лет, не оставались без дела, заведя складами соли и продовольствия, оружия, краски и других товаров; из них комплектовались стража Соляного Пути и хранители арсенала. Королеве служили только самки, и одна из них становилась новой владычицей, когда прежняя умирала.

Эту придворную даму звали Сафу Тхик. Она носила титул «передающей слово», и, покопавшись в ее сознании, Ивар решил, что она обладает развитым интеллектом и отличной памятью. Как и положено при такой работе.

Сейчас он находился в темной камерке, затерянной в глубинах пещерного комплекса. Темнота ему не мешала; он – точнее, Сафу Тхик – помнил, что, кроме гамака и выдолбленной в стене полки с нехитрой утварью, здесь нет ничего примечательного. Место для отдыха и сна, но он не нуждался ни в том, ни в другом. Его переполняли энергия и любопытство.

Он выбрался в коридор, скудно освещенный плоской с пылающим жиром. Коридор был очень широк, вдвое шире, чем ходы в казармах, по которым могли перемещаться в ряд пять бойцов в доспехах. Свод тоже не оставлял желать лучшего – высокий и слегка закругленный, он тонул в тенях. Коридор ветвился, его пересекали другие тоннели, столь же просторные, с редкими огнями, едва разгонявшими тьму. Но Тхик, видимо, знала каждую щель в этом лабиринте и двигалась уверенно. Куда? Ивар не пытался это выяснить, только пошевеливал глазными стеблями, разглядывал коридоры и камеры, пандусы, ведущие вверх и вниз, и сновавших в подземелье самок.

Винса среди них не нашлось. Ментальный дар подсказывал, что за стенами множество других существ, малых и больших, но их разум был разумом архов, столь же чуждым человеку, как сознание льяно или дроми. С дроми хотя бы удавалось говорить, но скрежет, жужжание и шелканье архов были не по силам человеческому горлу.

Внезапно Тревельян понял, куда торопится, куда спешит. К выходу из лабиринта, наружу, к городским террасам! О существе, в которое внедрил Винсент, можно было утверждать с определенностью, что это первопометный самец. В Ханг Аррхе он мог находиться где угодно, даже в яме для живого мяса, но только не в покоях Великой Матери.

Сафу Тхик вдруг замерла, подогнула лапы и распростерлась на каменном полу. Тревельян не подавал такой команды – вероятно, то была подсознательная реакция, чувство более сильное, чем разум. Он расставил глазные антенны, чтобы увеличить угол зрения, и приподнял их над лобным щитком.

Слева от тоннеля открывалась просторная камера с полом, устланным слоями мягкой белесоватой паутины. По ее углам горели плоски с жиром, пламя отражалось в изогнутых медных пластинах, так что в камере было довольно светло. Потолок круто уходил вверх, образуя купол, подобный виденному Тревельяном в древних соборах Земли. В дальнем конце зияли отверстия трех или четырех проходов – в них то и дело появлялись самки, тащившие сосуды с едой и питьем. Посреди камеры лежало на паутинном ковре нечто огромное, столь неопределенных очертаний, что Ивар не сразу осознал природу этого существа. Затем отдельные детали, расплывшийся гребень, гигантское брюхо и торчавшие из-под него чудовищные лапы, сложились в цельную картину. Королева! Собственной персоной!

Великая Мать Ханг Аррха питалась, жадно всасывая мягкую плоть мясных червей. К ее хоботку подносили все новые сосуды, лапы самок тихо топотали по ковру, потрескивал жир в светильниках, но эти звуки перекрывались мощным чмоканьем, бульканьем и сопе- ньем. Чудилось, что здесь работает какая-то старинная машина с паровым котлом или кача- ющий воду насос. Ни один ксенолог еще не наблюдал за этой гекатомбой, и Тревельян насла- ждался зрелищем с энтузиазмом первооткрывателя.

Потом что-то щелкнуло в его сознании, и бесплотный голос напомнил: «Хватит, парень! Дело тут долгое, она будет жрать, пока не поседеешь. Ступай к выходу! У тебя дру- гая задача». Вряд ли то был Командор – скорее, некое эхо памяти, отзвук того, что он мог бы сказать. Тем не менее Ивар очнулся и последовал совету, решив, что время не ждет, а по дороге можно увидеть еще немало интересного.

Так и получилось. Вскоре он набрел на пещеру с сотнями новорожденных, ползавших среди корыт с едой под присмотром самок.

Судя по внушительным размерам шпор, это были первопометные – видимо, Королева Ханг Аррха недавно принесла потомство. Здесь Тревельян задержался, чтобы оценить раз- меры популяции. Приплод был обильным, архи росли быстро, и он решил, что теперь у города будут новые защитники вместо убитых в Рхх Яхите. Не исключалось, что целью их неудачного похода являлся вовсе не грабеж, а переселение на запад, то есть типичная мигра- ция, вызванная демографическим давлением. Если так, подумал Тревельян, это объяснит конфликты между городами, ибо население растет, а удобных для обитания мест не прибав- ляется.

Решив поразмышлять над этим позже, он двинулся по коридору и попал в обширный склеп с тремя самцами. Крупные создания, вдвое и даже втрое больше любого арха благо- родных кровей, но все же не такие гигантские, как Мать-Королева. Эти не питались, а вроде бы дремали, но когда он собрался пересечь их камеру, один защелкал, засипел, требуя вни- мания.

– Ххаа, ххаа... Приблизься, передающая слово.

Ивар выполнил приказ, прижался брюхом к полу и почтительно заверещал:

– Ты тот, чья шпора над любой жизнью... Ты оплодотворяешь Великую Мать... Ты тот, кто роняет плодоносное семя... Ты...

– Не стучи зря жвалами и отвечай, – проскрежетал самец. – Прислал ли Шус Кута гонцов? Есть ли известия из западного края?

В памяти Тхик нашелся Шус Кута – он был предводителем войска, нагрянувшего в Рхх Яхит. Несомненно, его труп уже разделали на мясо или швырнули в яму к помойным червям, как и тела всех его воинов. Сафу Тхик об этом не ведала, Тревельян же знал доподлинно, но огорчать собеседника ему не хотелось. С прежним почтением он ответил:

– Известий нет, Плодоносный Муж. Ни известий, ни гонцов.

Молчание. Потом самец недовольно щелкнул и повелел:

– Придешь после нового восхода. Если не будет гонца, пусть на запад отправятся девять хата шис. Пусть они узнают, захвачен ли город у Соляного Пути.

Тхик поджала усы, что было знаком повиновения, и двинулась дальше, но у входа в тоннель Ивар ее притормозил. Ему показалось, будто в этих самцах есть что-то странное или, скорее, некое отличие от гвардейцев и других первопометных архов. Он замер, глядя на них и пытаясь разобраться в своем предчувствии.

Размеры?.. Конечно, но странность не в этом. Хес Фья, его носитель, не видел Мать и ее Мужей в своем родовом гнезде, а уж с Королевой Рхх Яхита и подавно не встречался. Однако он знал, как все обитатели любого поселения, что самцы-Мужья огромны, а Мать еще крупнее, и мяса, соли и воды ей нужно больше, чем десятку воинов. Нет, ни размер, ни прожорливость не относились к числу новостей.

Он продвинул ментальный щуп в сознание самца, говорившего с Тхик, потом коснулся двух других разумов. Эти создания жили дольше обычных архов, и, кажется, один из них был очень старым и доживал последние дни. Несомненно, они обладали изрядным опытом и привычкой к власти, но изучать их память Тревельян не стал – это требовало времени. В будущем, при удачном раскладе, кто-то из его агентов мог внедриться в такое существо, исследовать его воспоминания и получить массу полезных данных. Внедриться, и...

Стоп, сказал он себе. Внедриться? Куда именно? Разве только в головной мозг, так как второй мыслящий центр, нервный узел под спинным гребнем, у этой троицы словно бы отсутствовал. Отсечен искусственно? Нет, разумеется, нет – делать лоботомию архи еще не научились. Выходит, атрофировался естественным путем... Интересно, почему?..

Отложив вопрос на потом, Тревельян развернулся и побежал по коридору. На выходе из этого тоннеля была железная решетка, у которой дежурили гвардейцы; решетку сдвинули, и он проник в огромный зал с колоннами, преддверие подземного лабиринта. В его стенах виднелось множество ходов, которые наверняка вели к казармам, арсеналам, складам красок, соли, продовольствия и к водному источнику. Очень похоже на пещеру в Рхх Яхите, решил Тревельян, отметив, что первопометных здесь немного, и гребни местной гвардии раскрашены синими и белыми полосками.

Он выбрался наружу, и скудный свет дня на миг ослепил его, заставив попятиться в полутьму пещеры. Перед ним лежала верхняя терраса, широкая и почти пустая – бродили тут три-четыре десятка первопометных, а из других сословий и вовсе никого. Похоже, военная экспедиция отняла у Ханг Аррха много сил – как обычно бывает, в поход ушли самые крепкие и молодые.

Тревельян прошел до конца карниза в одну сторону, повернул, прошел в другую. Самцы, заведя Сафу Тхик, почтительно топорщили усы, ожидая распоряжений местной власти, но Ивар только пощелкивал жвалами, и ему уступали дорогу. Не обнаружив ничего интересного, он перебрался на нижние ярусы, пробежал мимо лавок, мастерских, жилых щелей и нор, зондируя их обитателей. Быстро, быстрее, еще быстрее! На поиски в Рхх Яхите ушло больше двух недель, а этот город он не мог осматривать так же долго и тщательно. Но если Винс здесь, он его найдет.

Эта надежда не покидала Тревельяна, однако были и поводы для сомнений. Возможно, думал он, Винс отправился в Рхх Яхит вместе с войском как пленник из вражеского города?.. Или как перебежчик и проводник?.. В походе ему было бы проще добраться до возка и оставить надпись... Но, с другой стороны, зачем царапать доски, если он и так уже двигался в Рхх Яхит?.. На всякий случай, для гарантии?.. Нет, с логикой это не вяжется. К чему надпись, если ты на прежнем месте?.. И зачем вообще его покидать?..

В штурме города Винс не участвовал и не попал в число убитых, в этом была у Тревельяна полная уверенность. Миг гибели – миг освобождения: срабатывал защитный модуль, и душа возносилась в рай, то есть на станцию, к собственному телу. А раз не вознеслась, значит, агент Кораблев еще пребывает в аду, в преисподней Арханга. Он мог бы освободиться, прикончив носителя, но не исключалось, что были к этому препятствия морального или иного свойства, не говоря уж об инструкции, запрещавшей причинять вред ментальному симбионту.

Размытое солнечное пятно уже висело над западным краем пустыни, когда Тревельян добрался до самого нижнего яруса. Здесь была городская клоака: стояла шашоты и птиц, которые чистили редко и без большого усердия, рвы с червями, куда валили гнилое мясо, фекалии и прочие отходы, свалка ржавого железа, ямы для пленных чужестранцев и провинившихся горожан. Трудились здесь шестипометные под присмотром надзирателей из покалеченных солдат – кто без лапы, кто без глаза или жвал, кто с битым и кое-как сросшимся

панцирем. Но с копьями и железными штырями эти инвалиды управлялись ловко и не скупались на тычки и пинки.

Туа па, тем более самки благородного сословия, были здесь редкими гостями. Сюда спускались, чтобы выбрать шошотов перед дальней дорогой и снарядить повозки, принять особо ценный груз или сунуть в яму знатного пленника из чужих первопоментных. Еще встречали врагов, атакующих город, как случилось недавно в Рхх Яхите, бились с ними, добивали или падали сами под ударами секир. Кроме таких событий, нижний уровень жил как бы отдельно от города, подтверждая мудрость латинян: *suum cuique*¹⁹.

Завидев Сафу Тхик, местная публика припадала к земле, демонстрируя покорность, боясь пошевелить усами и дернуть лапой. За нею увязались шестеро солдат, но от этой почетной охраны Тревельян избавился, грозно щелкнув жвалами и приказав им убираться. Оставшись в одиночестве, он заглянул в пещеры, куда загоняли на ночь шошотов и птиц, – ничего, кроме ключьев шерсти и холмов фекалий. Он осмотрел свалку железа, разбитых сосудов и грязной свалывшейся паутины – там, сортируя мусор, ползали среди обломков шестипометные. Разумеется, среди них не было Винса. Он пробежался мимо длинных извилистых канав, заполненных жидкой грязью – в них кишели черви, крохотные прожорливые существа, несъедобные, но очень полезные, служившие ассенизаторами во всех поселениях архов. Рядом с канавами вздымались горы костей и гниющего мяса, торчали тут и там лапы, жвалы, переломанные шпоры и усы, валялись высохшие грудные и лобные панцири. То было городское кладбище, куда стаскивали все, что не годилось в пищу архам, но червей вполне устраивало.

За помойными рвами, в дальнем краю нижней террасы, тянулись ямы с пленниками. Последняя надежда, подумал Тревельян, зондируя их одну за другой и убеждаясь, что ямы набиты битком, но сидят там только архи, местные либо какой-то непонятной принадлежности. Ямы, похожие на колодцы, были перекрыты ржавыми железными решетками и выложены прочным камнем; ковырять и царапать его не стоило, только шпоры обломаешь. Он приблизился к одной из них, заглянул внутрь и в ужасе дернул усами – от лежавших на дне созданий веяло ненавистью и смертельной злобой. Злоба, ненависть и голод, три жутких демона, витали над ямой, не позволяя забыть, что в ней всего лишь живое мясо.

В крайней и самой большой ямине держали архов, каких Тревельян еще не встречал. Они не были похожи на крупных коричневых яхитов – заметно мельче, панцири темные, почти черные, и спинные гребни ближе к голове как бы раздвоены. Решетка над их ямой с края просела, так что Ивар, встав над этой щелью, мог разглядеть узников во всех подробностях. Он решил, что перед ним шетаны, обитатели Шета, и тут было о чем поразмышлять. Три населенных материка, Шет, Тху и Яхит, разделялись океанскими водами, и расстояние между их берегами составляло от трехсот до тысячи километров. Что до яхитов, то их мастерство в плавании по водам не очень впечатляло – они умели переправляться через реки на плотках, но ни морских, ни речных судов не строили. Похоже, шетаны продвинулись дальше – ведь без корабля не попасть на Яхит...

«Не местные ли это колумбы?..» – с внезапной тоской и жалостью подумал Тревельян. Совершили подвиг, переплыв через море, причалили к неведомой земле, высадились и попали в плен к яхитам... Разумеется, не здесь, а на восточном побережье – там, за горными хребтами и пустынями, тоже есть города... Очевидно, пленители разделили мореходов и продали в другие поселения как некую диковину – в яме было девять шетанов, а это мало-вато для команды корабля. Что с ними будет?.. Съедят?.. Заморят голодом?.. Бросят помойным червям?..

¹⁹ *Suum cuique* – каждому свое (лат.).

Он вдруг почувствовал, как в него кто-то вцепился. Опустив глазные стебли, Ивар увидел шетана – тот стоял на спинах двух других пленников, и пальцы его верхних конечностей железной хваткой сомкнулись на лапе Сафу Тхик. «Чего он хочет?..» – мелькнула мысль. Что это? Просьба о помощи? Мольба о пощаде?

Еще один мореход быстро взобрался наверх по телам своих собратьев и с яростью тряхнул решетку. Ржавые прутья заскрипели, подались, вниз полетело несколько обломков, и щель, у которой стоял Тревельян, сделалась шире. Внезапно он понял, чего хотят пленники – не помощи, не пощады, только есть, есть, есть!.. Их терзал голод, но осознание этого пришло слишком поздно – его схватили за обе нижние лапы и тянули в яму. Где-то за спиной раздался лязг металла, послышались скрежет и топот солдат, но Ивар уже летел вниз вместе с вцепившимися в него шетанами.

Его ударили шпорой под грудной панцирь, потом острые жвалы вонзились в живот. «Зря я отказался от охраны», – думал Тревельян, пока его рвали на части.

Глава 5

Снова Рхх Яхит

«Уж очень ты доверчив и неосторожен, – молвил призрачный Советник. – И что самое удивительное, не вникаешь в исторический опыт нашей далекой, но любимой родины. А надо бы! Ты ведь ученый! Должен помнить все прецеденты и действовать соответственно!»

«Ты о каких прецедентах, дед?» – поинтересовался Тревельян.

«Как о каких! Кука съели? Съели! Магеллана съели? Съели! Еще Беринга, Крузенштерна, Миклухо-Маклая и этого английского пирата... Дрейк он или Генри Морган?.. Нет, все-таки Дрейк».

«Ты, дед, погорячился. Кука, может, и съели, а с остальными ничего подобного. Каждый принял свою судьбу, но без ножа и вилки».

«Пусть так, но тобой-то точно пообедали! Кстати, тоже без ножа и вилки!»

«Не мной, а Сафу Тхик, – возразил Тревельян, горестно поджимая усы. – Жаль ее... Хорошая была девочка... старательная... Mea culpa! Mea maxima culpa!»²⁰

«Вот что я тебе скажу, парень, – произнес Командор после недолгой паузы. – Искренне скажу, от всего сердца, как офицер офицеру... Ты, братец, гуманист и потому безнадежен».

«Во-первых, я не офицер, – начал Тревельян, – я никогда не служил в Звездном Флоте...»

«А зря! Там бы тебя научили уму-разуму!»

«Не перебивай. Во-вторых, я и правда гуманист, ибо любая моя миссия требует понимания, сочувствия и даже жертвенности. Понимание – вообще императив нашего времени! Даже старым заскорузлым воякам пора это усвоить!»

Против ожидания, Командор не обиделся.

«Ты не прав, голубь мой сизый, я тоже в своем роде гуманист. Видишь ли, гуманизм – понятие размытое и непростое. Вот, предположим, бился ты с дроми, прикончил десяток и обнаружил, что один еще дышит. Можно его лечить, хотя непонятно как, а можно пристрелить, чтобы не мучился. Это два разных полюса, ты на одном, я на другом, но мы оба – гуманисты. Соображаешь?»

«В таких делах консенсуса нам не достигнуть», – подумал Ивар. Разница между ним и почтенным предком проистекала из смены парадигм, случившейся в последние столетия. Тревельяну Галактика мыслилась бескрайним полем для открытий и, разумеется, приключений, не всегда безопасных, однако не связанных с применением силы – во всяком случае, в масштабах, соизмеримых с жизнью или смертью любой из галактических рас. Командор же являлся продуктом тех веков, когда Земная Федерация боролась за выживание, когда отгремели четыре Войны Провала²¹, а вслед за ними – долгие и кровавые сражения с дроми. Героическая эпоха, но жестокая; самым веским аргументом в спорах был аннигилятор, самой правильной политикой – недоверие.

Но времена изменились. К счастью, изменились, думал Тревельян, озирая низкое, затянутое тучами небо и холмистую равнину под каменной стеной Рхх Яхита. День только раз-

²⁰ Mea culpa! Mea maxima culpa! – Моя вина! Моя величайшая вина! (лат.)

²¹ Войны Провала – четыре войны с гуманоидами бино фаата, которые велись Земной Федерацией в XXII–XXIII веках; их название отражает тот факт, что битвы происходили в Провале, лишенном звезд пространстве, разделяющем два галактических Рукава: Рукав Ориона, где находится Земля, и Рукав Персея, в котором расположена звездная империя фаата. Затем, с начала XXIV века и до середины XXV, Федерация сражалась с дроми, воинственной негуманоидной расой. В этот же период произошли первые боевые столкновения с хапторами и кнн'лина.

горелся, он стоял на страже в одном из проходов к арсеналам и казармам, и дежурить здесь предстояло до вечера. В полном одиночестве, если не считать ворчливого предка.

Прежде охрану на всех постах несли вдвоем, но в результате набега численность обеих рот сильно уменьшилась, и к тому же капитан Шат Сута увел сорок гвардейцев в поход к дальним поселениям. Всюду подрастали молодые туа па, искавшие почетной службы в Рхх Яхите, но вакансии в гвардии освобождались не каждый день, а только после хорошей потасовки с множеством трупов. Случай был как раз такой, молодежь могла продвинуться на ниве чести, и Ивар не сомневался, что капитан синих вернется с пополнением.

Его отряд ушел прошлым утром, еще до того, как Тревельян, закончив с неудачными розысками, снова вселился в Хеса Фья. Носитель был цел и невредим, ел, пил и нес службу под присмотром Командора и уже считался ветераном, вкусившим вражеской плоти и крови. Крови – в фигуральном смысле, а с плотью ситуация была реальной, но уточнять подробности Тревельяну не хотелось. Что съедено, то съедено и забыто.

Вернулся он в мрачном настроении, ибо поиски зашли в тупик. Конечно, в Ханг Аррхе он узнал кое-что новое и, вероятно, важное, но все эти сведения о Королеве и ее супругах могли бы добыть полевые агенты при непрерывных и планомерных исследованиях. Однако их работа, как и прежде, была парализована, а у сотрудников на станции Сансара новых идей не возникло. Явный провал, усугубляемый муками совести из-за погибшей Сафу Тхик... Гордость Тревельяна тоже страдала, так как смерть носителя, то есть существа, опекаемого высшим собратом по разуму, не делала ему чести. Одно утешение, что Тхик сожрали местные колумбы-аргонавты, а не какая-то шваль...

Некоторое время он размышлял о шетанах, об их корабле, затерянном где-то у восточных берегов, о перспективах мореходства на планете, пытаясь прикинуть план исследований в этом направлении. Потом бросил; не об этом надо было думать, а о загадочной надписи на тележных досках и Винсенте Кораблеве, вызывающем о помощи. Винс, как и судно шетанов, где-то затерялся, но найти его было куда труднее, чем корабль или какой-нибудь город. Чтобы изучить географию морей и континентов, существуют карты, но есть ли карта географии разума?

Винс, Винс... Где ты, Винс?

* * *

Вечером, сменившись с дежурства, Ивар сидел в заведении Кьюка. Понятие «сидеть» не относилось к буквальному смыслу слова, так как архи в силу особенностей анатомии сидячих поз не принимали. Они могли стоять на двух нижних лапах или на четырех, а для отдыха, сна и приема пищи опускались на все шесть конечностей и, значит, скорее, лежали на брюхе, чем сидели. Поэтому «сидеть» в данном случае означало «пребывать». Разумеется, не только пребывать, а еще пить, закусывать и вести беседу.

Ели архи вечером, единожды в день, и, как правило, большой компанией – солдат со своим отрядом, мастер с подмастерьями, торговец с работниками и приживалами. То был древний инстинкт, повелевавший сбиваться в кучу во время трапезы: чем больше куча, тем меньше риска, что чужаки отнимут еду. Гвардейцы столовались в кабаках на верхней террасе, для чего их владельцев снабжали солью и мясом с королевских складов. Как пополняются запасы, как ведется торговля, как взимают налоги и есть ли такая система вообще, Тревельян пока не разобрался. Собственно, к поискам Винса это не относилось, и он полагал, что агенты, работая в нормальном режиме, соберут все данные за пару месяцев. Только где он, этот нормальный режим?..

Солнце шло на закат, сизые тучи висели над равниной, ветер кружил первые снежинки. Как всегда, гвардейцы синей и желтой рот собрались на трапезу в «Обломанных усах». Кто

посасывал из чаши соленую воду, кто жужжал и скрипел, вспоминая недавнюю битву и свершенные подвиги, кто тянулся хоботком к мягким мясным червям. Черви были свежие, еще живые, и норовили удрать со стола, но тщетно – самка-прислужница с ножом и колотушкой не дремала. Другие шестипометные таскали пойло, возились у больших корзин с червями и, под присмотром Кьюка, засыпали в бочку с водой драгоценную соль.

Тревельян расположился у низкого каменного стола рядом с Хау. Тос Фиут и Оси Шиха тоже были здесь, а еще Ки Фаш, гвардеец из синих. В схватке с трупоедами из Ханг Аррха ему пробили секирой грудной щиток, но хитиновая броня уже срасталась, и скоро на месте разлома останется только бугристый шрам. Регенерация у архов шла с поразительной скоростью.

– Шат Сута ушел, – сообщил Оси, недовольно лязгнув жвалами. – Ушел без нас.

– Хрр... – прохрипел Тос Фиут, не отрываясь от пойла, а Хау заметил:

– В помойную яму его. Ушел и ушел.

– Ушел на юг, в крепости наших семейств, – пояснил Оси. – Мне бы хотелось встретиться с родичами. Я без них не тоскую, но все же... – Вытянув хоботок, он присосался к червю, потом добавил: – Выпить бы с моими однопометными... пройтись по знакомым карнизам, заглянуть в родные норы... самок пощекотать...

«Да он в элегическом настроении! – удивился Командор. – Пряма-таки поэт! Есенин!»

Тревельян промолчал. Он занимался тем, что в сотый раз зондировал Фиута. Кривая Шпора был уже пьян, но сосал водицу с прежней энергией, и ментальные импульсы его мозга становились все менее отчетливыми. Нервный узел под спинным хребтом тоже отключался, и к тому же Ивара не покидало чувство, что этот орган у Фиута не очень развит. Возможно, природная аномалия, мутация или следствие беспробудного пьянства, размышлял он, продолжая зондировать соратника. Ничего! На миг его охватило отчаяние. Ребус с посланием на тележных досках казался неразрешимым – в Ханг Аррхе Винса не было, и в Рхх Яхите тоже. Куда же он делся?.. И кто процарапал на доске его имя?..

Тем временем Оси и Ки Фаш вступили в спор: каждый хвастал, что из его цитадели вышли самые доблестные воины и было их столько, что хватит на целую роту. Хау следил за беседой с интересом, а Кривая Шпора никак не реагировал, сосал и сосал пойло и временами скрипел жвалами, посылая проклятия демонам. Они по-прежнему терзали Фиута, но если у него и была душевная болезнь, то затаилась она так глубоко, что Ивар не мог добраться до ее причин и следствий. Тос Фиут, непревзойденный боец, казался нормальным во всех отношениях, кроме истории с демонами; не исключалось, что он их придумал, чтобы оправдать свой грех. Пил он вдвое больше, чем любой гвардеец.

Разногласия между Оси и Ки перешли в активную фазу: Оси уже грозил оппоненту шпорами, а Ки свирепо фыркал и размахивал тяжелой чашей. Зная, чем кончаются такие споры, Тревельян вмешался, напомнил, что доблестным южанам не к месту ссориться, ибо произойдет потеря чести на радость желтой роте. А потому не лучше ли признать, что семьи Шиха и Фаш – обе достойны почета, выпить и перейти к другим делам? Например, к событиям загадочным, случившимся недавно на восточных берегах.

Оси, не лишенный любопытства, разом остыл и направил на Тревельяна глазные антенны.

– Восточный берег? Это очень далеко. Никто там не бывал.

– Никто, кроме торговцев солью, – сказал Тревельян, дав свободу фантазии. – Важные торговцы из второпометных. Я с ними говорил.

– И что они рассказали?

Тревельян на мгновение задумался – в языке яхитов не было слов «лодка» или «корабль», равно как «парус», «мачта» и «весло». После недолгой паузы он шевельнул усами и промолвил:

– Рассказали, что по воде приплыла огромная телега без колес. По большой воде, что на краю наших земель.

– Телеги не плавают в воде, – возразил Ки Фаш, и Хау щелкнул жвалами в знак согласия.

Но Оси Шиха обладал воображением, что у архов бывало нечасто. Подумав с минуту, он изрек:

– Дерево плавает в воде. Телега деревянная, значит, может плавать. Даже без колес. – Подумал еще и спросил: – Но кому нужна такая телега?

– Шетанам, – пояснил Ивар. – В телеге было полно шетанов. Они вылезли на восточный берег и попали в плен.

– Никогда не ел шетанов, – заметил Хау. – Тху ел. Вкусные!

Материк Тху находился к юго-западу от земель яхитов и был более теплым и щедрым, с плодородными почвами, дремучими лесами и богатой фауной. Габор Ходковский, побывавший там, сообщал, что тху занимаются земледелием, и у них даже есть что-то похожее на ветряные мельницы. Широкий пролив между континентами усеивали острова. Иногда море замерзало, и яхиты, пробираясь от острова к острову, устраивали охотничью экспедицию в далекий изобильный край.

– Торговцы, что об этом рассказали... Где они? – спросил Оси Шиха, в удивлении поводя усами. – Не расскажут ли чего еще?

– Нет, не расскажут. Убиты во время набега, – отговорился Тревельян. – И я думаю, пленных шетанов тоже нет. Думаю, их съели.

И тут Оси его потряс. Привстав на задних лапах и печально свесив усы, он проскрипел:

– Кхх! Нехорошо! Повидавшие мир должны жить и рассказывать нам об увиденном! Иначе как мы узнаем про земли востока и запада, севера и юга? Как узнаем, что в них можно встретить, с кем сражаться, где добыть краску, соль, металл и другие полезные вещи? Пленив этих шетанов, я бы не стал их есть, я бы их послушал. Съеденное быстро уйдет к помойным червям, а услышанное запомнится надолго.

«Вот, – прокомментировал Советник, – вот разумный арх! Не то что эта пьянь Кривая Шпора! Да и другой твой приятель тоже невеликого ума... Одно слово, Каменный Лоб! Все бы ему жрать да жрать!»

«Когда мы стерегли обоз, Оси тоже не возражал мною полакомиться, – напомнил Тревельян. – Но спорить не буду – когда он сыт, с ним можно разговаривать. Хотя...»

Закончить он не успел – раздался яростный вой, о стену разбилась каменная чаша, и ее осколки забарабанили по спинному гребню. Целились не в него, то был случайный промах. За соседним столом два гвардейца, синий и желтый, рухнули на пол, царапая друг друга шпорами, а третий – кажется, синий – вырвал у прислужницы колотушку, размахнулся и врезал подоспевшему Кьюку меж усов.

– Не здесь, туа па! – привычно заверещал хозяин, топорща глазные стебли. – Во имя Великой Матери, не здесь!

Жужжа и шелкая, драчуны выкатились на карниз, за ними толпой последовали гвардейцы, увлекая Тревельяна с товарищами. Однако до смертоубийства дело не дошло – словно из-под земли вырос Хите Сута, капитан желтых, и велел прекратить безобразие. В обеих ротах осталось сотни четыре бойцов, слишком мало, чтобы вышибать мозги друг другу, и запрет на поединки выполнялся со всей строгостью.

Гвардейцы потянулись к норам казарм. Они ползли по отвесной каменной стене, исчезали в темных отверстиях тоннелей, и когда исход завершился, там возникли фигурки стражников. Последний свет, пробившийся сквозь тучи, падал на пустынные террасы Рхх Яхита, на унылую холмистую равнину и скопище телег в том месте, где находился стан чужого воинства. Повозки были пусты – все ценное перетащили на городские склады, шошотов

загнали в стойла, а лишних прирезали. Их жесткое мясо уже вымачивалось в чанах с подсоленной водой.

Ивар остался на карнизе в одиночестве. Стоял, глядел на меркнувшие тучи, на равнину и обоз, размышляя, не спуститься ли туда, не осмотреть ли еще раз возок с посланием. Но был ли в этом смысл? Интуиция подсказывала ему, что он упускает нечто важное, не связанное с надписью на досках, с городами архов и даже с их природой, так и не познанной до конца. Что же именно? Чего он не заметил? Смутное чувство, никак не желая оформиться в слова, терзало Тревельяна. Он не привык отступать.

Пробудился призрачный Советник.

«Топчешься на месте. А знаешь, отчего, голубь мой? – Пауза. – Могу намекнуть».

«Так намекни», – сказал Тревельян.

«В мозгах все дело, юноша, в мозгах. От соленой водицы в них никакого просветления. Вернись на станцию, отдохни, девушкам улыбнись, прими коньячку, тогда и появятся мысли. Хочешь, побалуешься с этой штукой, с гипноглифом, будь он неладен... Я даже против этого не возражаю. Не могу смотреть, как ты мучаешься... то есть не смотреть, а ощущать».

«Ты, дед, когда шел в бой, тоже коньяком лечился?» – любопытствовал Тревельян.

«Нет, ромом, он покрепче будет. Экипажу – по глотку, а стрелкам – двойная порция, чтобы палец на гашетке не дрожал. – Снова пауза. Потом: – А нет ли у нас на станции рома?»

«У нас есть все, кроме новых идей», – промолвил Тревельян, печально опустив усы.

Дед не отставал.

«Идеи! Для идей человеческий разум нужен!»

«И коньяк», – ехидно добавил Ивар.

«Смейся, смейся! Думаешь, разум весь с тобой? Думаешь, ничего не застряло в извилинах? Там, на станции?»

«Ничего, – убежденно сказал Тревельян. – Я не очень представляю тонкости инкарнации, но, как уверяют специалисты...»

«Жвалы у них не щелкают, у твоих специалистов! Возьми, например, нас с тобой... Два вполне самостоятельных разума, но когда твою сущность извлекают из извилин, я переселяюсь тоже. Из памятного кристалла, заметь! Твои специалисты это могут объяснить?»

«Полагаю, дело в особой настройке приборов», – возразил Тревельян, но призадумался. Кристаллик с призрачным Советником он носил уже многие годы и временами чувствовал, что не только имплант является звеном, что связывает их. Имплант, в конце концов, техническое устройство, а связь с дедом коренилась на более глубоком уровне, эмоциональном, почти подсознательном. Пожалуй, Советник стал частью его личности, вторым «я», независимым и всегда готовым к спорам.

«Ты мог бы это проверить», – напомнил о себе Командор.

«О чем ты? Что проверить?»

«Не отвлекайся. Я говорю о твоей комплектности. Весь ли ты здесь или что-то потеряно? Мы в нервном узле Хеса Фья... Но может ли этот орган вместить весь разум человека? Тем более столь необычный, как у тебя? Вдруг это в принципе невозможно?»

Уместное напоминание, решил Тревельян. Только он мог искать и найти пропавшего агента, ибо дар, полученный на Раване, позволял внедряться в чужие разумы. С телепатией, с чтением мыслей это не было связано – скорее, он ощущал ауру эмоций и желаний, весь спектр чувств от светлой радости до голода и злобы. Но этим дарованное ему не исчерпывалось.

«Вот-вот, – буркнул Советник, – про то и разговор. Ты ведь умеешь открывать портал и прыгать, так? На любое расстояние, хоть от звезды к звезде, хоть от стола к постели? Ну, давай! Кажется, ты хотел взглянуть на телегу... Можно ползти на своих шести, но это тараканий способ. Не проще ли переместиться? Так, как тебя научили даскины?»

«Открыть портал? Это не проблема», – молвил Тревельян, фиксируя взгляд на скопище повозок за первым ярусом. Рассекающий пространство меч таился в его сознании, будто в невидимых ножнах, и на мгновение ему почудилось, что этот клинок, творение древней расы, сейчас оживет и разрежет ткань Мироздания, позволив шагнуть вниз, на равнину, которую уже заметали снега. Это ощущение было сильным, очень сильным – он даже поднял конечность и попытался согнуть ее, забыв, что это лапа арха, а не человеческая нога.

Но портал не открылся.

Потрясенный, он замер на краю карниза, едва не упав в пропасть. На секунду он осознал себя архом, будто лишился не только облика, но и своей человеческой сущности и стал странным существом, полуживотным-полунасекомым, с шестью лапами, жвалами и длинными усами. Ментальный голос Командора заставил его очнуться.

«Не получается? Ну, я предупреждал... Что бы там ни переносили эти твои инкарнологии, это меньше, чем Ивар Тревельян. Меньше, чем Винс Кораблев, Габор Ходковский и Эд Хабблтон... Оттолкнись от данного факта и действуй».

«Ты, пожалуй, прав, – откликнулся Тревельян, выйдя из оцепенения. – Пожалуй, мне стоит вернуться на станцию, отдохнуть и все обдумать. Ты готов, дед?»

«Я-то готов, но не забудь про нашего родного таракана. Ему спать давно положено, а он еще не спит и может без нас растеряться. Лучше его в отсек отконвоировать и в койку уложить».

«И в этом ты прав», – сказал Тревельян, направляясь к стене над террасой. Он добрался до входа в тоннель, прошмыгнул мимо стража и растаял в темноте прохода.

* * *

Через час с четвертью, вынырнув из недр саркофага, освежившись под душем и перекусив, Ивар сидел в своей каюте. На станции, как и в Рхх Яхите, царили ночь и тишина. В приемной камере дежурила Ольга Сигрид Хаменлинна, невозмутимая, как ее скандинавские предки. Ивар велел ей никого не тревожить – какие, мол, совещания ночью?.. – но дежурство не прерывать. Собственно, так и полагалось по инструкции, когда на планете пребывал агент – в данном случае, Винс Кораблев.

Открыв сейф, Тревельян вытащил контейнер с гипноглифом, посмотрел на него и сунул обратно. Сейчас он не нуждался в покое, даруемом непостижимой игрушкой лоона эо, – голова его была ясной, он ощущал прилив энергии и знакомое охотникам чувство близости добычи. Добыча – или, если угодно, разгадка – манила его, то мелькая в дебрях фактов, то погружаясь в темный омут домыслов; и если согласовать одно с другим, дикая местность превращалась в парк с кудрявыми рощами и ясными светлыми озерами.

Он думал о том, что инкарнология – новая наука, и здесь, как бывает всегда в сферах неизведанных и до конца не познанных, может случиться такое, чего заранее не предсмотришь. Например, эффект Грановского, ментальный маяк, позволяющий после первого контакта вновь и вновь возвращаться в разум носителя... Специалисты пока не объяснили данный феномен, равным образом и то, почему связь исчезает через некоторое время. Этот период составлял от трех-пяти дней до месяца и, вероятно, зависел от индивидуальных особенностей человека и его симбионта. Все, что инкарнологи могли сказать по этому поводу, сводилось к сакраментальной фразе: мозг равновелик Вселенной, и загадок в нем не меньше.

Вот и еще одна: в обличье арха Ивар терял паранормальную способность перемещаться сквозь пространство. Он не мог проникнуть в тот таинственный континуум, где даскины разместили сеть своих порталов, позволявших с равным успехом шагать от звезды к звезде или, как выразился дед, от стола к постели. Но телепортация – если назвать ее так – была лишь одним из дарованных ему талантов. Помимо этого, он обладал способностью

входить в бессловесный контакт с любым инопланетным существом, считывать эмоции, проникать в сознание ментального партнера и даже в какой-то степени исследовать его мозг. Но, переселившись в арха, сохранил ли он в полной мере этот дар?.. Чего стоили его поиски, зондирование тысяч и тысяч существ, если проникновение в их разумы было недостаточно глубоким?.. Что он пропустил, где и когда ошибся?..

«Хватит заниматься самоедством, – беззвучно произнес Командор. – Ты знаешь, что делать».

«Знаю, – подтвердил Тревельян. – Я должен спуститься на Арханг в своем человеческом облике. Я должен продолжить поиск. Но теперь я знаю, с кого начинать».

Он поднялся и вышел из каюты. Двумя палубами ниже находился отсек со специальным оборудованием, какое могло понадобиться при высадке на планету с пригодной для дыхания атмосферой. Если не считать иглометов с парализующими иглами, здесь не было оружия, здесь хранились легкие скафандры, термокомбинезоны, скобы²², лазерные резак, бинокли-дальномеры, газоанализаторы, маски с фильтрами, не пропускающими чужеродную микрофлору, и прочее в том же духе. Ивар облачился в комбинезон с подогревом, натянул сапоги и шлем, оснащенный передатчиком и прибором ночного видения, сверху набросил плащ-невидимку²³. Затем повожился минуту, прилаживая на шее обруч транслятора – без него он мог произнести на языке архов лишь пару фраз, да и то с риском повредить горло.

Закончив приготовления, он вызвал по внутренней связи Ольгу Сигрид Хаменлинну.

– Надеюсь, не спишь? Будь готова принять Винса.

– Сейчас? – ответила инкарнолог в недоумении. – Вы ведь на станции, шеф? И как же вы его нашли?

– Я на станции, но отправляюсь на планету. Винса примешь через... хм, я не знаю точного времени. В ближайшие часы, скажем так. Разбуди Ришу, Брайта и ваших инженеров, пусть еще раз проверят оборудование.

– Отправляетесь на планету? Я должна вас переслать? – Недоумения в голосе Ольги стало еще больше.

– Не должна. Я собираюсь посетить Рхх Яхит в своем естественном обличье.

– Спуститесь на челноке?

– Нет.

Молчание. Потом изумленное: «А-а!» – и Тревельян понял, что сейчас рождается еще одна легенда. Минует год-другой, и от границ Провала до миров терукси будет ходить история о чудо-ксенологе, перебравшемся на Арханг без челнока, без десантного катера, без экраноплана, вообще без транспортных средств и посадочных модулей. Захотел, щелкнул пальцами, и уже на месте... Разумеется, Ольга была в курсе слухов, что ходят о нем. Теперь добавится что-то новое.

Ивар вздохнул и произнес:

– Не могу сказать, в каком состоянии будет Винсент. Вызови в приемную камеру Ханса Аппеля, и пусть почтенный Фархад тоже там будет. Вдвоем врач и нейрофизиолог быстрее разберутся.

– Да, шеф. Сделаю, шеф.

Прервав связь, Тревельян представил каменную стену Рхх Яхита под беззвездным небом. На мгновение яркая вспышка заставила его прищуриться, затем охватили мрак и холод. Свет, тьма... Миг, когда портал распахнулся перед ним и вновь соединил края разорванной Вселенной, был неошутим. Он стоял на верхнем городском карнизе, перед ним чер-

²² Скоб – скафандр-оболочка на жаргоне астронавтов. Обеспечивает надежную защиту, снабжен искусственными мышцами, может служить средством транспорта, нападения и обороны. В отличие от боевого и других видов скафандров, не предназначен для эксплуатации в вакууме.

²³ Плащ-невидимка – плащ из ткани, обладающей способностью к мимикрии.

нели отверстия нор, из туч сыпали снежные хлопья, и яростными порывами налетал ледяной ветер. Тьма и холод быстро отступили: включился термокостюм, согрел его, лицо прикрыла пластина ночного визора; теперь он видел так же ясно и отчетливо, как днем. Картина была знакомой, но глаза человека воспринимали ее иначе, чем антенны симбионта – чудилось, что скалистый кряж с пещерным лабиринтом вздымается вверх бесконечно, пронзая вершинами облака, или, возможно, не облака висят над ним, а такие же горы источенного ходами камня.

Тревельян моргнул, иллюзия исчезла, и его взгляд потянулся к тоннелю, что вел в казармы. До входа было метров двести, но он различил крохотную фигурку стоявшего там часового – жвалы с острыми кончиками, разведенные в стороны глазные стебли, секиру в верхних конечностях. Неощутимая доля секунды, и он очутился среди каменных стен, за спиною стража. Он знал, чего ожидать, и все же шок был неизбежен.

Тоннель, казавшийся прежде таким широким, таким просторным... Сейчас Ивар чуть не упирался в свод макушкой и, растопырив локти, мог коснуться стен. Пещера за тоннелем, огромная, величественная, с высоким потолком, что тонул во мраке – теперь скромных размеров залец с грубыми, кое-где кривоватыми колоннами и множеством темных дыр, ведущих в глубь горы, в проходы лабиринта. А главное – доблестный туа па, что несет охрану! Грозный воин в железном доспехе, с секирой, с окованными металлом шпорами!.. Он доставал Ивару до колена и выглядел неуклюжим подземным карликом, пародией на сказочного гнома. Но у земных гномов, как помнилось Тревельяну, топоры были все же побольше, а сами гномы – ростом повыше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.